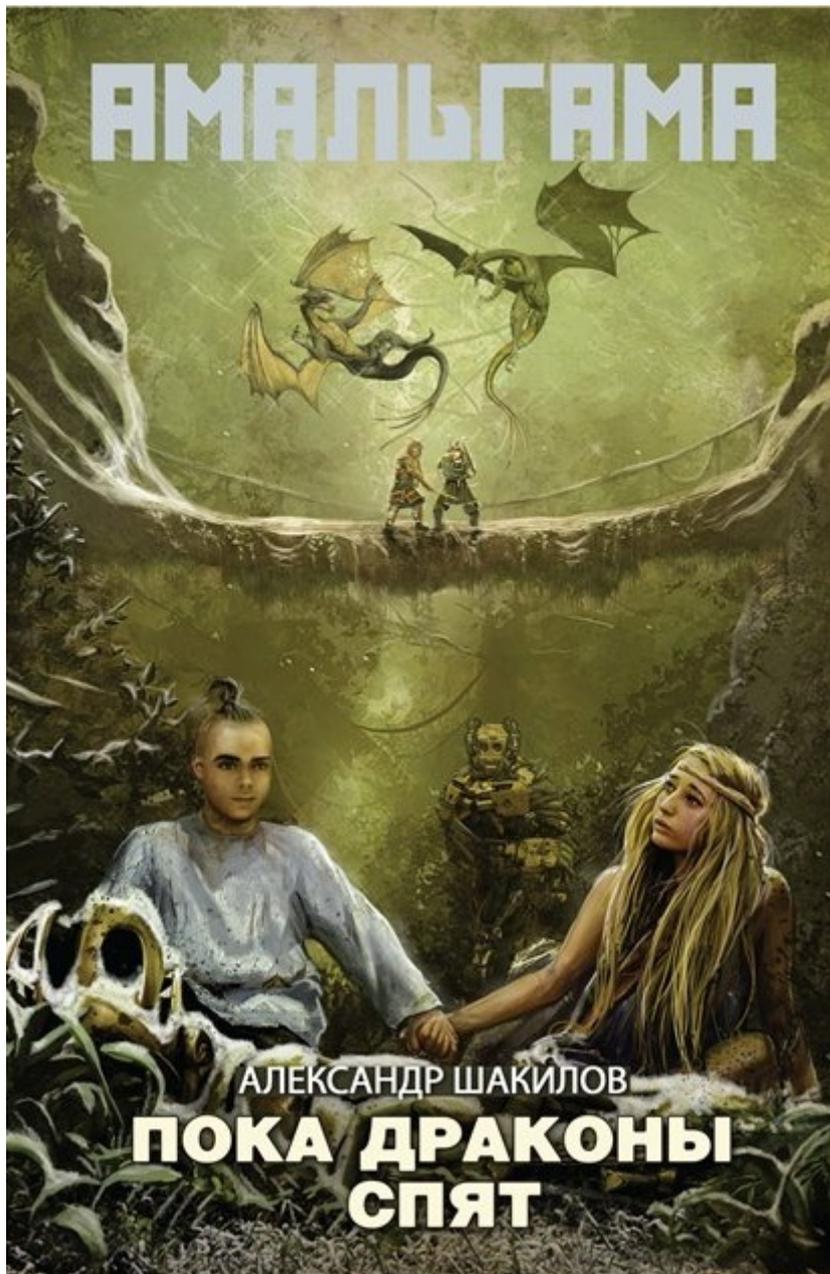

АМАЛЬГАМА

АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ

**ПОКА ДРАКОНЫ
СПЯТ**

Александр Шакилов
Пока драконы спят
Серия «Амальгама»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4610802

Аннотация

Два мира: Суша-Мидгард и Топь-Китамаэ. Два сообщающихся сосуда: в одном убудет, в другом прибавится. Но перемычка между мирами проницаема лишь для ведьм, которым нипочем залпы из плазмоганов и катаны в умелых руках воинов-буси. А потому простому парню Эрику из Мидгарда невдомек, откуда у него талант лизоблюда, кто наслал это страшное проклятие. В его мире да с таким талантом прямая дорога на костер инквизиции. Лизоблюдов там издавна знают как лучших наемных убийц. Их боятся даже берсерки. И разве что богатому вельможе по карману профессионал такого класса. Да только Эрику и его подруге Гель уготовано вовсе не теплое местечко при дворе. Схватки на мечах, колдовские козни, полеты на драконах – вот что ждет их на пути, полном опасностей...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	8
1. Клубничная поляна	8
2. Близняшки	12
Два доспеха, или Первый рассказ о ненависти	14
3. Птица	20
4. Проклятое место	22
5. Игоши	24
Мальчик-с-пальчик, или Второй рассказ о ненависти	25
6. Чужая рубаха	31
7. Долина драконов	33
Меха, или Третий рассказ о ненависти	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Шакилов

Пока драконы спят

*Долго нес ущерб я,
хоть и не смирялся,
защищая право
на свои владенья.*

Эгиль Скаллагримсон

Господин Санэнори говорил: «В пределах одного вдоха нет места иллюзиям, а есть только Путь». Если это так, то Путь един. Но нет человека, который мог бы ясно понять это. Ясность достигается лишь после многих лет настойчивого труда.

Ямамото Цунэтомо, «Хагакурэ»

Пролог

По гарду бежала свора.

Подхватив детишек, бабы прятались за изгородями, размалеванными оберегами от злых мороков. Мужчины крепче сжимали серпы и осиновые колья – первое, что под руку попало, – и готовы были сполна расплатиться за жизнь и здоровье родичей. Но даже самые свирепые воины боялись до дрожи в коленях. Такого не припомнят и древние старцы. Где это видано, чтобы псы – полсотни, не меньше – топтали деревянный настил между избами, словно они здесь хозяева? А во главе своры – черноволки-людоеды!

Закованные в костяные панцири, черноволки бежали бок о бок с одомашненным зверем. У каждого людоеда по три пары лап, перевитых веревками вен. В такт шагам дергались длинные чешуйчатые хвосты с ядовитыми шипами на концах. Стрекотали перепонки недоразвитых драконьих крыльев на мускулистых лопатках. А морды у этих тварей похожи на свиные рыла, только уродливей и в зеленой пене.

Всем известно, что черноволки охотятся ночью, а днем спят в глубоких норах Чужого Леса. Редкому охотнику повезло увидеть черного людоеда и остаться в живых. А чтобы столько тварей сразу, в гарде, да при свете дня?..

Но самое чудное – собаки волчин не трогали, а черноволки не калечили псов. Вместе бежали. Тишина – и цок-цок-цок когтями по настилу.

По лицам воинов стекали струйки пота. Бабы зажимали рты детишкам, чтобы плач не подозвал зверье.

А вот и напрасно.

Своре не было дела до людского страха. Свору вел щенок-мастиф, такой крохотный и слабый, что едва переставлял лапы. Если щенка заносило к воротам Ингвара Родимца, то и свора двигала вслед, задирая лапы и брызгая на дубовые столбы мутной дрянью. Вывалив из пасти язык, щенок останавливался – и грозный черноволк, и облезлая шавка терпеливо ждали, когда собачонка отдышится и укажет путь.

Щенок вел свору на площадь, к виселице. К распухшему на жаре трупу молодой женщины, подвешенному за ноги и засиженному мухами.

Под кособокими, наспех сколоченными досками щенок упал, задрал лапы к небу и жалобно заскулил. Зверье подхватило.

Громче.

Громче.

Еще громче!

Опустились колья. Пальцы разжались, уронив заточенные лезвия. Рыдали дети, женщины успокаивали своих «зайчиков» и «лисичек». Чужая скорбь передалась людям. Свора оплакивала погибшего товарища, справляла тризну по родственнице. Труп. Боль. Громче!

И вдруг чья-то рука подхватила щенка. Рука, покрытая татуировками и белесыми отметинами стали.

Кто посмел?! Рыкнув, псы кинулись на высокую старуху, распустившую седые косы до пят. Клыки впивались в сухую грудь, щупали горло, но были бессильны причинить старухе хоть какой-то вред. Ее защищала ворожба. Под напором зверья старуха упала, но щенка из рук не выпустила. Она баюкала его и шептала:

– Ну что ты, маленькая? Что ты?

Щенок отрывисто тявкнул. Черноволки отступили, собаки поджали куцые хвосты. И те и другие внимательно следили за старухой. Не приведи Проткнутый ей сделать щенку больно!

Кряхтя, седокосая поднялась. Зверек в ее руках вздрагивал и сопел.

– Ну что ты? Отпусти их, нельзя им здесь. Пусть уходят. Пусть!.. – прошептала она.

Щенок протяжно взвыл. А когда он замолчал, псы кинулись по своим дворам – вымаливать у хозяев прощение и кости. Черноволки выстроились друг за другом, хвостами цепляясь за рыла сородичей. Уши прикрывали глаза от солнца. Лишь поводырю, первому в колонне, суждено было ослепнуть, направляя стаю к Чужому Лесу.

– Эх, Гель... – Урд, так звали старуху, баюкала светловолосую девочку, совсем кроху. Во сне малышка всхлипывала. – Мамку жалко, я знаю. Отомстить хотела? Но они ж не виноваты, Гель. Они ничем помочь не могли. Судьба у них такая: терпеть.

Был щенок на руках, а теперь девчонка.

Так кого же баюкала Урд, ребенка или зверя?..

* * *

Обедать в доме, завтракать – Эрик обожал эти посиделки.

Именно в доме, под надежной двускатной крышей. Снаружи черноволком рыщет поземка – кого укусить-заморозить?! – а за толстыми стенами пахнет печкой и соломой тюфяков. В детстве Эрик жалел, что зима так быстро проходит, ведь летом семья трапезничала в поле, не дома.

Первым сел отец: поклонился копьям Проткнутого, кивком подозвал мать, шлепнул ниже спины и велел кормить «этих желторотиков».

Хед проворно запрыгнул на лавку. Один Хед так умеет: с печки и на лавку. Как белка. Только рыжего хвоста братишке не хватает и глазенок-бусинок. Хед слепой. Таким родился, таким и помрет. Бродячие маги слишком много эре просят за присыпки прозрения.

Хильд, любимая сестренка Эрика, медленно подошла к столу. Рыжие волосы ее заплетены в три косы, а темечко гладко выбрито, как и положено юной девственнице. Летом старейшины пустят Хильд по Кругу и, если не понесет она от мудрого семени, выберут ей достойного мужа.

Скрипнули ступеньки – это мать притащила из погреба жбан игристого пива. Отец уронил в пену ус, хорошенько намочил и, довольный причмокнув, выжал золотистые капли на язык.

Сгорая от нетерпения, Эрик облизнулся. Он знал, что все чинно должно быть, как предками заведено. Но в животе бурчало громче, чем стонут грешники на адском огне. Он всегда был голоден, сколько себя помнил. Совсем малыш, беззубыми деснами он кусал груди матери до крови.

Усевшись за стол, Хильд смиренно положила руки на колени. Хед пристроился рядом. Непоседа, он ерзал по лавке, пока не занозил зад. Найти на деревьях, отполированной сиденьями восьми поколений, занозу? Невероятно, но Хед нашел!

Мать принесла большую миску. Селедка с овсянкой – объеденье, успеть бы ложку ко рту поднести!

Эрик успел. Туда-сюда – и миска опустела. А он кашу даже не распробовал. В брюхе как гулял ветер, так и ныне пустошь степная. Хоть воздух жуй, чтобы голод отпустил. Но не поможет, Эрик уже пробовал. Остается только терпеть. А что делать?

Мать налила в наперсток молока и поставила у порога. Это угощение старшему сыну. Вот ведь напасть для семьи!

Он умер задолго до рождения Эрика. Пошел в Чужой Лес по грибы и заблудился. Небось без поклона в чащобу сунулся. Тут-то лешак его и заметил – и давай крутить-вертеть, мороками стращать. Да в три сосны братца, в три сосны, чтоб без спросу лесовика не тревожил. Брат сообразил, что дело дрянь, скинул рубаху, вывернул и заново надел – верный способ сбить лешего со следа. А штаны забыл вывернуть... Схоронили брата за оградой, без скрещенных копий. Отец Теодольф запретил отпевание. Сказал: «Не по-людски мальчишка умер, с нежитью перед смертью знался».

В чертоги предков старшего не взяли. В подземелье мороков тоже – нагрешить-то он не успел: не прелюбодействовал и не крал, а если и убил кого, то не со зла и без свидетелей. С тех пор шатался брат по гарду, детишек синюшной рожей пугал. Мэр поначалу подбивал народ почесать колом сердечко мертвяка, но старуха Урд Криволапая не дала.

– Не кровосос же он? – спросила Урд.

– Да вроде не похож...

– Вурдалачище, может, острозубый?

– Да нет, шерсти на нем не видали пока...

– Учудил чего? В могилу грудничка свел? Роженицу на выкидыш испугал? Козье вымя грыз? Нет? Так чего ж вы, родичи, Проткнутого гневите?! – заругалась Урд.

– А что, старая, делать прикажешь?

– А вот что... – У мужичков аж носы покраснели, так лихо она сплела в узор пакостные слова...

Мать только наперсток у порога выставила, а братишка уж тут как тут. Сквозь дверь прошел, о щеколду пупком зацепился и глазища вылупил: против кто? Кому не мил, не родня-кровинушка?

И все бы ничего, но несло от старшего гнилью и грибами. Молоко он выпил, по дому побродил, вздыхая жалобно, и в подпол просочился. Он всегда так делал.

А Эрик не удержался: пока никто не видел, собрал языком остатки каши, что налипла на дно миски. Неумело собрал, торопливо. И все-таки за первую очищенную миску ему совсем не стыдно. Ну, может, чуть-чуть. Первая все-таки.

Отец заметил. Как он на Эрика посмотрел! Прямо боевой василиск без прищура. Эрик думал, что замертво ляжет: так и застыл на лавке, боясь пошевелиться. Камень он уже или мальчишка еще?..

– Ты вырос, сын. – Мокрые от пива усы отец закинул за оттопыренные уши. Неужели обошлось?

– Да, отец, вырос, – поддакнул Эрик.

– Пришло, значит, время. От судьбы не уйдешь...

Вверх-вниз подбородком:

– Не уйдешь. Разве что недалеко. На шаг, может, или...

Отец кашлянул в кулак.

– Ты чего головой трясешь? Зубы болят или придурь очередная? – Он повернулся к матери: – Родила ты мне, Сиг, глупца, равного которому нет во всем Мидгарде¹. Прощайся с сыном, Сиг.

Мать зарыдала громко, протяжно. Так оплакивают угоревших от эля на погребальной тризне. Слезы текли по ее дряблону, измазанному золой лицу.

– Не реви. Собери нам в дорогу. Живо! Утром некогда будет.

Мать забегала, засуетилась, Хильд на шаг позади – помощница, будущая хозяйка. А Хед бочком – и на печку. И правильно: когда суматоха поднимается, незачем в подоле путаться...

Давно это было. Талант у Эрика прорезался.

Оказалось, он – прирожденный лизоблюд, и жир чужих тарелок – его судьба.

Мастер объедков, так его называют.

¹ Мидгард – Суша, Мир людей; букв.: «то, что расположено в пределах изгороди». (Здесь и далее примеч. авт.)

Часть первая Судьба-дорога

1. Клубничная поляна

Пальцы вцепились в гриву.

Мальчишка лет двенадцати, рыжий и худой, покачнулся в седле. Ботинки, вышитые бисером, прижались к ребрам рогатого пахаря. Мальчишка долго молчал, опасливо поглядывая на спутника, мужчину спокойного, в годах, и наконец не выдержал:

– Отец, куда мы едем? Почему мать плакала? Что случилось, отец? Это все из-за миски, да? Я что-то не так сделал? Ну почему ты молчишь, отец? Я виноват?! Что случилось? Я не прав? Я обидел тебя?!

– Сын... – Голос длинноусого мужчины по прозвищу Снорри Сохач дрогнул. – Ты вырос. Тебе пора уйти из семьи. У тебя судьба такая – талант. Это шутка Проткнутого, он наградил, я ничего не могу поделать.

– Талант? Проткнутый? Отец, о чем ты?! Какой талант?!

Куртка из грубой ткани, надетая через голову, висела на пареньке, как платье невесты на пугале. Руки болтались в рукавах, запыленное лицо выглядывало из-под капюшона.

– Особый талант. За который ярлы платят полновесной монетой и не жалеют шкурок горноста. Ты – человек, без которого не обойтись ни одному вельможе. Верь мне, Эрик, я знаю, о чем говорю.

Прикусив губу, мальчишка смотрел на опечаленное лицо родителя.

– Ты – лизоблюд, Эрик. Ты жадно ешь, и, сколько бы мать не насыпала, тебе всегда будет мало. Я давно это подозревал, но лишь вчера ты впервые показал, как обращаются с посудой тебе подобные. При дворе Канута Свежевателя я видел настоящих лизоблюдов. Ты один из них, сынок.

Беседуя, отец и сын миновали осиновою рощу и проехали две клубничные поляны.

О полянах надо бы подробней. Клубника – настоящее искушение для путника. Сочные ягоды привлекают взоры. Капли влаги сверкают на листьях изумрудами и бирюзой. И это в жаркий полдень, когда время росы давно миновало!

Эрик сглотнул слюну. Противно забурчало в брюхе. Мальчишке хотелось свернуть с тропы и впиться зубами в водянистые ягоды, каждая размером с кулак воина. Но нельзя!

Клубничные поляны – исконные владения лесных ведьм. А ведьмы не прощают воров, это всем известно. Они незлобивы, на путников не нападают, но если сорвет кто сладкую ягоду...

Говорят, у вкусившего ведьмовской клубники открывается третий глаз на темечке. Смелый чревоугодник обретает способность предвидеть грядущее не хуже вльв.

Ах, как заманчиво! Ах, как хочется отведать клубники и узнать, что случится завтра, через год, после тепла и после вьюг! Хороший будет урожай? Зима обрадует погожими деньками? А через десять лет? Двадцать? Десять раз по двадцать?!

А ведь любопытство можно утолить, если вернуться чуток, прогуляться. Ведь привал не за горами. Скоро стемнеет, пора и о ночлеге подумать...

И вот остановились. Снорри Сохач занялся шалашом и обустройством отхожего места – ведь нельзя в дороге где ни попадя испражняться. Земля Мидгарда не терпит вольностей. Заговаривая от порчи, следы надо укрывать крестами из лозы.

– Принеси-ка огню еды. Порадуй Жига Жгучего. Жароокий любит кормильцев и добро помнит.

– Уже бегу, отец!

Собрать охапку хвороста, чтобы еле в руках умещалась, и вернуться. Ведь распакованы кожи с козьим сыром и мясом речного тюленя, открыты коробка с запеченной рыбой и яйцами кынсы.

От зеленых яиц кынсы, говорят, волосы растут на груди и храбрости прибавляется. У отца кудряшки колосятся от живота до подбородка, и храбрости ему не занимать: он на палэсмурта с одной рогатиной ходил, на барса в Белых горах охотился, кикимор на крючок ловил. Кикимора, кстати, объединенье редкостное. Если свежая и не пересоленная.

Пересвистывались в ветвях птички, припекало солнце, вдалеке стонал лешак, и завывала дриада. Эрик продирался сквозь густой подлесок, все дальше и дальше уходя от стоянки. Насвистывая под нос, он собирал хворост. Здесь шишка, там палочка – глядишь, и охапка будет. Наклониться, поднять сучок, два уронить, третий выбросить...

А вот и клубничная поляна.

Эрик, конечно, сюда случайно забрел. Ручей перешел, сквозь малинник пролез, обо-гнул лежбище живых камней и трижды кувыркнулся через следы вурдалака. Бывает, заблудился, дело житейское. А раз так, обидно не попробовать колдовских ягод, верно?

Эрик огляделся. То тут, то там валялись ржавые доспехи. Сюда, наверное, много доблестных витязей зааживало. Старенький ежик-шипастик, седой совсем, сидя на пне, стрекотал отравленными иголками и подставлял теплым лучам живот. Ползали всякие букашки. Мимо Эрика, перебирая ножками, пробежала и спряталась под листьями клубники сколопендра. Он отступил чуток – от укуса сколопендры тело покрывается типунами и дыхание в груди вязнет. Боязно, да. И все-таки...

Может, ягодку?

Одну?

Ведьмы днем в норах прячутся, так почему бы и не полакомиться?

Ягодку? Красненькую? Вон ту? Он сам не заметил, как очутился на поляне.

Запретная клубника показалась ему вкусней жаркого из кикиморы, пахнущего заморскими специями. Эрик наклонился, сорвал которую уже ягоду: ох и ах, м-м-м!

«А как же дар предвидения?!» – вспомнил он и попытался заглянуть на год вперед, но... Наверное, подождать надо, не все сразу.

Он осторожно присел на листья. Тут и там сквозь зелень проглядывали странные ржавые штуковины, громоздились посреди поляны большие, размером с дом, коробка из стали, назначение которых было непонятно...

В отличие от братишки Хеда Эрик умел долго сохранять неподвижность. Старейшины даже хотели определить его в охотники на водяных крыс. Это ремесло требует невероятной усидчивости. Крысы пугливы и подплывают к берегу с большой неохотой. В гарде Замерзших Синичек есть только один охотник на водяных крыс – Джаг Крысятник. Он находит в камышах гнездо и садится рядом, прямо в воду. И сидит так седмицу, две, десять...

Однажды Джаг прождал у гнезда девять месяцев. Все это время он не ел, не пил и не дышал. Его поливали ливни и обдували ветра, пиявки день и ночь сосали кровь Джага, одежда его сгнила, а в волосах зимородки вывели птенцов. Лицо Крысятника покрылось мхом и обросло болотными лотосами.

И водяная крыса таки приплыла. Схватившись за стебли камыша скользкими шупальцами, она вытянула из воды пупырчатое тельце, и...

Джага встречали хороводами и танцами. Еще бы! Из водяной крысы можно вытопить кувшин жира, незаменимого в любовном зелье и в снадобье от лихорадки. За год Крысятник добывает два, а если очень повезет – три зверя...

Эрик сам не заметил, как вложил в рот еще пару ягод. Надо же, какая клубника вкусная! Раньше-то он никогда ее не пробовал, а жаль. И вообще ему понравилось на ведьмовской поляне, даже уходить не хочется. И раз уж его прогнали из отчего дома, ничего толком не объяснив, то почему бы и нет?!

Сладкий сок окрасил лицо алым. Эрик засмеялся и опрокинулся на спину, ему было хорошо. Он жевал, глотал и опять жевал, а ягоды не кончались! Он трогал прохладные листья, зеленые и нежные. Живот его заметно округлился и вздулся. Листья баюкали Эрика, гладили по лицу и забирались под одежду. И ему это нравилось! Он лежал бы так вечно: сочная мякоть во рту, сумеречное небо над головой и прохладный ветерок...

Благодать!

Клубника щекотала усиками, оплетала. Так удобней, верно? Так надежней, да, малыш? Я избавлю тебя от всех невзгод, охраню, укутаю, укурю...

Тебя никто не найдет. Никогда.

Да?

«Да», – хотел ответить Эрик.

И не смог.

* * *

У края клубничной поляны едва заметно шевелился зеленый холмик.

Если присмотреться, сквозь листья можно увидеть посиневшее лицо. Корни сдавили горло мальчишки, тяжелые ягоды навалились на грудь. Еще немного, и он останется здесь навсегда.

Кожа Эрика невероятно зудела, но чтобы унять зуд, надо вырваться из цепких объятий клубники. А на это уже не было ни сил, ни желания. Мальчишке чудилось, что он видит отца, стоящего у могилы матери. А рядом с отцом – Хильд и пятеро малышек. Сестренку, располневшую, но все равно красивую, держит за локоть огромный бородач, по всему – ее муж. А вот и Хед. Брат смотрит на свежую насыпь. У него ярко-голубые глаза... У Хеды есть глаза!

А потом Эрик увидел морские волны и воинов в доспехах. И были еще длинные светлые волосы, и ядовитые змеи, и яростная скачка по заснеженному лесу, и даже охота на огромного пустынного дракона... И дорога без конца и края, и пыль на истоптанных сапогах, и окровавленный меч в слабеющей руке...

Неужели клубника действительно дарует прозрение?! Так вот, значит, какая судьба уготована Эрику. Не таким он представлял свое будущее...

Под веки набилось чернозема, рот заткнул кляп из дождевых червей, а в паху шевелилась сколопендра, готовая в любой момент навечно успокоить провидца.

– Стой, Гель! Куда?! Вернись! Назад! – услышал он знакомый голос, и тут же хрипло залаяла собака.

Слюнявые клыки рвали зеленую сеть, опутавшую тело мальчишки, когти выцарапывали изо рта перегной.

– Гель?! Ты куда?! А ну вернись!

Собака громко лаяла прямо в ухо Эрику.

А потом сильные руки подняли его и куда-то понесли.

* * *

От ледяной воды слезились глаза.

Эрик долго вымывал землю из-под век. Его спасли Урд Криволапая, старуха из родного гарда, и девочка, что путешествовала с ней. Девочку звали Гель, светлые волосы ее были заплетены в две косы. Отец – зачем он это сделал? – встал на колени и, хлюпая носом, поблагодарил старуху и Гель.

Как же Эрику было плохо... Сначала его тошнило красным соком. Потом, когда внутри опустело, Криволапая заставила его пить воду, такую холодную, что сводило зубы. Пальцы глубже в рот, говорила она, еще глубже...

Стемнело.

Запылал костер.

Козьим сыром и мясом тюленя угостил отец Криволапую и Гель, дочь Свинки. А ведь совсем недавно эта девчонка навела на гард черноволков. Уж ее-то Эрик благодарить не стал бы, но отец так посмотрел на него, что пришлось подчиниться. Правда, поклон получился едва заметным.

В тот вечер впервые за много лет у Эрика не было аппетита. Он хотел вернуться домой. Сильно-сильно хотел.

А еще, затаив дыхание, он слушал историю о близняшках.

2. Близняшки

В ночь, когда метель-завирюха встретила с первым паводком, Сюр по прозвищу Свинка родила девочек-близняшек. Сюр кричала и тужилась, ей было так больно, что из-под век текла сукровица, а под ногтями проступили синие пятна.

В ту ночь зима захлебнулась в талой воде, а вокруг затерянного в лесах гарда собралась стая черноволков. Ингвар Родимец божился, что видал косолапного палэсмурга, который, хохоча, оборачивался то седым старцем, то огромным медведем. И будто бы перевертень орал похабные песни и смешно плясал, хлопая себя по толстым ляжкам.

То была страшная ночь.

Сюр разрешилась от бремени и ушла во мрак за голосами предков.

Повитуха смачно плюнула в окровавленное лоно Сюр и трижды скрестила копья, прежде чем омыла новорожденных. Только после этого она вручила дочек отцу, побрившему виски и грудь в знак того, что род его продолжился. Затем, раздевшись догола и обмазавшись глиной, перетертой с жабыми кишками, повитуха серпом вскрыла себе живот и отправилась вслед за духом Свинки.

Она долго бродила во мраке. Она звала молодницу, уговаривая ее покинуть чертоги мертвецов и вернуться к живым.

Уговорила. Вернулись обе.

– Двойняшек надо предать огню, они – посланницы Свистуна! – штопая распоротый живот, кривилась повитуха.

Но муж Свинки с первого взгляда полюбил дочек. Он убил повитуху, а тело ее спрятал в подполе. Взяв меч, отнес одну из девочек в Чужой Лес. Только так он мог спасти жену и вторую крошку, названную им Гель.

Воин долго брел, проваливаясь по пояс в мокрую жижу. Пурга слепила его глаза и направляла в ловушки зыбучих снегов, не таящих даже летом.

Под горелой сосной, полыхнувшей от небесного огня, воин отсек голову первой своей дочери. Он сделал все, чтобы смерть девочки была легкой и никто не проведал о рождении двух младенцев. Но люди все равно узнали.

Бородача до смерти закидали камнями, а Свинку заставили очиститься Испытанием. Ее заперли в доме и уложили на лавку. Связали, согнув ногу в колене и на сгиб положив горошину. Так и лежала Сюр, пока согретая теплом и вскормленная потом горошина не проросла. Только после этого Сюр отпустили, разрешив выходить в поле – работы ведь непочатый край.

Мудрые старцы хотели убить Гель, но Урд Криволапая воспротивилась:

– Зачем?

Старцы ответили:

– Если не убить сейчас, потом из подмышек девочки по ночам будут выползать ядовитые пауки. Ребенок вырастет и отомстит за отца.

Урд посмеялась над словами мудрецов. Она забрала Гель к себе, выкормила медвежьим молоком, а потом вернула Свинке. На весеннем тинге Криволапая строго-настрого запретила обижать Гель и Свинку, а не то!..

На долгих семь лет мать и дочь оставили в покое.

А потом в гард пришли инквизиторы.

Босые бродяги с посохами из костей еретиков были вооружены обоюдоострыми крестами и желудками гарпий, на сорок шагов отрыгивающих святую воду, что разъедает не только плоть грешников, но и хладный металл.

Вспыхнул костер. Лучший баран Ингвара Родимца повис на вертеле, а сам Родимец даже и не подумал требовать плату за мясо. Он был рад, что странники не сожрали его самого, дочь его и жену. Хотя жену и можно бы – ради богоугодного дела не жаль.

Стемнело. Инквизиторы потребовали вина и трех девственниц.

Мэр гарда велел открыть тайное хранилище, что у кладбища, в зарослях выколиглаза. В последний раз тот схрон, задуманный на случай засухи и мора, отворяли трилистником клевера еще до рождения Гель, но еда не протухла до сих пор, и хмельное питье, припасенное на черный день, не скисло. Теснились на полках кувшины с вином, настоящим на травах, висели под потолком копченые окорока, в закромах томились румяные яблоки. От порчи тайник заговорила лесная ведьма, получив за труды бутыль с кровью мертворожденного младенца и миску студня из лап рыси.

Закусить и выпить инквизиторам дали, а вот с девственницами незадача вышла.

– Нету в гарде дев целомудренных. Все бабы от младенчества порченые, – вздыхал мэр и уговаривал: – Кушайте, гости дорогие! Пейте на здоровье! Рады вам! Святости бьем челом! Не обессудьте, люди мы дремучие, жены наши не блюдут благочестия. Своенравны и любвеобильны! Так уж повелось, святые отцы: только в возраст входят – так сразу дырявые. А вам-то с подгулявшими никак, мы понимаем, виноваты, но вы уж простите...

Кланяясь и потев, мэр еще долго тряс щеками и замолчал, лишь когда перед ним встал главный инквизитор, больной лепрой. На поясе прокаженного висел бронзовый колокольчик, от звона которого должно убежать, чтобы не подхватить заразу. Прокаженным нельзя входить в трактир и говорить с кем-либо, стоя против ветра. Им запрещено бродить по рынку и мыться в проточной воде. Но кто заставит инквизитора выполнять эти правила, назначенные самой жизнью? Правила придуманы людьми, но не Богом! Истинно верующий спасется постом и честной молитвой.

Глядя на потеющего мэра, бродяга рассмеялся, из-под капюшона выбились пучки грязных косиц. Святой отец шагнул к толстяку:

– Нет, говориш-ш-шь? Ни-и-и един-н-ной девствен-н-н-ницы, говориш-ш-ш-шь?!

Шаг. Еще ближе. И еще шаг.

– Иди ко мне, с-с-сын мой! Обнимемс-с-сся! Поцелуемс-сся! – хохотнул прокаженный.

Мэр резво отпрыгнул назад, увернувшись от объятий святоши.

Бродяги тут же вскочили. В их жилистых руках исходили паром желудки гарпий, готовые окропить лгуна ядовитым кипятком.

Главный инквизитор посмотрел мэру в глаза и криво усмехнулся:

– А с-с-скаж-жи мне, с-с-сын мой... Ес-с-сть ли в твоей дер-р-ревне в-в-ведьма? Кто наводит пор-р-р-чу, кто меш-ш-шает с-спокойно нас-с-слаж-ж-ждать с-с-сновиденьем, кому с-с-слез-за ребенка зам-меняет ж-жбан пен-нис-сс-стого п-пив-ва?!

Попятившись, мэр споткнулся – громко клацнули зубы, и сам собой открылся рот:

– Есть одна. Двойню родила, мужа на убийство сманила. Его-то наказали, а ведьму – нет. Околдовала народ, не иначе!

Лучше одна порченная в расход, чем десяток девиц, верно?

Мэр сделал выбор. Он показал, где живет Сюр Свинка.

Святоши вмиг соорудили виселицу. В этом они мастера знатные, умеют петли вязать. Собралась толпа. Приволокли вдову, мать Гель. Прокаженный инквизитор вынес приговор:

– Она с-с-сожительс-с-ствовала с с-самим С-с-свистуном! Одного р-ребенка он-на зач-чала от му-уж-жжа, втор-рого – от нечис-с-стого! Ее лоно ос-с-ссквернено! Ее лоно надо очис-с-сстить! Ее лоно нуждается-с-я-а в пок-каянии и с-с-святой воде!

Свинку умело избивали посохами, а потом, едва живую, повесили. И запретили снимать тело две седмицы. Заведено так, чтоб еретиков терзали черви, птицы и зверье. Нельзя жечь

плоть, нельзя прятать в землю – бросать нужно гниющим мясом на прокорм божьим тварям, которые, насыщаясь, уничтожают зло...

Когда Урд Криволапая увозила Гель из Замерзших Синичек, исклеванный воронами труп все еще подставлял бока ветру.

Два доспеха, или Первый рассказ о ненависти

Утром пятая луна едва мерцает, словно брезгуя освещать Топь и греть Ёсиду. Распухшие от сырости ноги сплетены в «лотос». Старик наслаждается видом разбуженной Китамаэ.

Столько лет прошло, столько зим, плесень сгноила десяток кимоно, а многоцветье сфагново неизменно. Зеленца утонувших в Топи лиц сдобрена багрянцем из проткнутых сердец. Коричневый суглинок дрейфует мимо оранжевых грибных полян. В воздухе белая дымка – это бабочки сражаются с ветром, их десятки тысяч. То тут, то там черепашьи панцири разбивают зеркало воды. Розовеет вереск, спеет голубика. Все это очес, верхний слой торфяника кое-где в локоть толщиной. Он ломкий, ненадежный...

Ёсида готов. Это случится сегодня. Не зря старик последние два года посвятил лишь одному делу. Он мурлычет под нос старинную детскую песенку:

Асахи-но нобору
Икиой мисэтэ
О исамаси я
Нихон-но хата ва².

У края платформы торчит АГР-1017 «Плазма». Блестят маслянистыми гранями короба с лентами – в каждом по три изгиба, нашпигованных энергетическими патронами. Одна лента – полтора центнера. Да и сам АГР отнюдь не пушинка. А ведь Ёсида таскал точь-в-точь такой же гранатомет на собственном горбу – давно, там, на Марсе. Без гидравлики доспеха этой игрушкой не повоюешь. И пусть ярость битвы давно уже претит старику. Пусть себе жравеет имперская хлопушка, пусть отваживает чужаков своим грозным видом.

Облепленный термоизоляцией ствол указывает на киботанкетку «Ха-Го», завязшую в торфе. Лобовая броня аккуратно продырявлена у жерла 107-миллиметровой пушки, чуть выше иероглифа «снайпер», который рисуют после десятка уничтоженных танков и БТР. Алеет на белом солнечный круг – краска облупилась, но различить рисунок еще можно. Единственный люк «Ха-Го» открыт, экипаж выпутался из геля управления и покинул машину. Танкист-симбионт выжил. Или погиб не сразу.

Ёсида хоть и с трудом, но до сих пор прицельно метает сюрикэны. Нанолезвия запросто дырявят самый надежный бронезилет. Это намек на живучесть танкистов.

Шесть составляющих есть у старика Ёсиды: панцирь-ерой, шлем-кабуто, защитная маска, рукавицы с нарукавниками, поножи сунэ-атэ и фартук. Все в двух экземплярах, все сделано на основе скафандров EMU³. LSS-системы жизнеобеспечения в порядке, SSA⁴ обнимут мальчиков, как расплав формовочную ванну, уж Ёсида об этом позаботился, будьте уверены.

² Песенка называется «Хи-но мару-но хата» – «Японский флаг» (яп.).

³ Скафандры EMU (Extravehicular Mobility Unit) предназначены для работы в условиях космического вакуума.

⁴ SSA (Space Suit Assembly) – космический сборный костюм.

В отражателях зрачков блики пятой луны. Старик доводит результат двухлетних трудов до совершенства: подклеивает к шнуровкам жемчужины, выращенные в глубинах Топи по известному только ему техпроцессу. Два ерой – два комплекта по двенадцать шариков.

Икки и Мура, так зовут сыновей Ёсиды. Именно для них старик делает доспехи.

* * *

Отставного майора забросили в Топь с борта транспортного вертолета. Осваивай территорию, ветеран, не ленись.

Всего имущества с ним было: вещмешок с инструментами да месячная упаковка НЗ. В подшивке спасжилета ожидала подходящего момента криоген-капсула с отличным геноматериалом – герметичный цилиндр стоимостью в семнадцать пенсионных лет. Хочешь произвести потомство – отдай часть жизни, все честно, таков закон.

Сколько времени надо, чтобы соорудить остров? Почти год майор провел по уши в трясины, отлавливая пласты дрейфующего суглинка, спасая от голода пиявок и защищаясь от болотных тварей всех размеров и мастей.

Здесь, в Топи, майор наслаждался каждым вдохом, ведь Топь позволяла не убивать. Впервые за много лет он задумался о будущем дальше, чем на мгновение вперед. «Монахи и воины: собаки и животные!» – отставник в курсе, что означает эта поговорка.

К счастью, его труды не оказались напрасными. Вскоре плоть острова приросла к зыбкому скелету Топи. Лишь тогда майор возжелал удобств: ему понадобился дом. И чтоб бамбуковые татами на полу! Не пластиковые, не из прессованных опилок – настоящие!

Бывший буси расчехлил инструменты. Наконец он мог заняться любимым делом – семейным ремеслом, передающимся из поколения в поколение.

Первый фантом – дракон-тацу – получился так себе. Припадая на левое крыло, он медленно парил над туманом, скрывающим Топь. Зато фантом был достаточно энергоцельным, чтобы выхватывать из-под очеса дельфинов и каракатиц.

С тех пор отставник не нуждался в пище.

Но на дракона он истратил половину своих исходников. К тому же тацу привлек внимание спутников-шпионов. После вновь объявленной мобилизации за майором явились вербовщики – серебристые амфибии, твари без стыда и совести. Приплыть-то они приплыли, а вот вернуться в порт приписки не сумели – Ёсида скормил Топи искусственные жабры амфибий, воздушные пузыри и голосовые связки, запрограммированные произносить милитаристские слоганы.

Вслед за вербовщиками явились торговцы. Эти господа были куда осмотрительнее предыдущих визитеров. В полукилометре от острова они закрепили баржу над Топью, с кормы и носа отстрелив буры-якоря, которые ввинтились в нижние слои Китамаэ. Разбалансированные антигравы то и дело дергали баржу к небу, заставляя цепи скрипеть от напряжения.

Майор был уверен, что битва неизбежна. Тацу кружил над баржей, искря клыками.

Но торговцы не собирались воевать. Вещая в мегафоны через патрубки противогазов, они предложили отставнику сделку: из энергии, буси, ты умеешь компоновать игрушки, мы снабдим тебя исходниками, работай – не обидим.

Майор согласился. А почему бы и нет?

Наслаждаясь видом Топи, он собирал единорогов-призраков, столь популярных в Мидгарде. По два фантома в месяц. Плотность у зверушек была так себе, модели не отличались разнообразием, зато торговцы платили исправно.

Отставник смог купить себе все, о чем мечтал...

Дети. Две заготовки-капсулы, два клона-близнеца, скомпонованные спецами «Дайме байтекс», – вот что хранилось в криогенках. Портативный инкубатор стоил майору тринадцати единорогов. А еще майор купил «Плазму». Тацу – хорошо, но с АГР как-то спокойней.

Следующая мобилизация началась спустя шесть лет после визита амфибий. На этот раз островок атаковали с воздуха. Тацу достойно принял бой, уничтожив два вертолета. Киботанкетка «Ха-Го», подбитая Ёсидой, до сих пор ржавеет в торфе.

К тому времени мальчишки уже научились ловить креветок и надолго задерживать дыхание, устанавливая ловушки на подводных тропах крабов. Снимая с мертвого танкиста бронезилет, изрезанный сюрисэнами, мальчишки в два голоса кричали «Нинге»⁵:

Ватаси-но нинге ва ей нинге
Мэ ва поцутири то иродзиро дэ
Тиисай кути мото айрасий
Ватаси-но нинге ва ей нинге.

А майор улыбался и тихонечко подпевал:

Моя кукла – хорошая кукла.
Споешь ей песенку – тут же засыпает.
Оставляешь одну – и то не плачет.
Моя кукла – хорошая кукла.

* * *

Жемчужины, приклеенные к системам воздухоочистки, блестят перламутром.

О, Великая Мать Амаэрасу, сегодня!

Ёсида подзывает сыновей.

– Сфагны сплетают ветви, поддерживая друг друга. Так и среди родственников заведено. Сегодня многое решится, и я не смогу вам помочь. Но вы должны быть вместе, пусть даже вас разделяют тысячи дней трясины! Ясно вам?!

– Да, отец.

– Да.

Неторопливо сфокусировав фотоэлементы, Ёсида смотрит в глаза сыновей, столь совершенные, что хрусталикам еще долго ждать замены. Медлить нельзя, на пределе восприятия сенсоров старик чувствует, как дрожит Топь в предвкушении битвы.

– Одевайтесь.

Мальчишки исполняют приказ отца. Сначала набедренные повязки и рубахи. Дважды обхватывают талии пояса. Белые повязки-хатимаки – символ презрения к смерти – исчезают под рогатыми шлемами.

Икки готов. Мура не отстает от брата. Лица мальчиков – две звезды, отраженные в Топи, две капли воды на запястье старика Ёсиды.

Икки моргает под броней маски. Мура тоже не знает, зачем понадобился этот маскарад.

Майор опечален. Он обучил мальчишек тактике боя и маскировке. С помощью виртуальных учебников и симуляторов объяснил, как управлять файтером и подземной лодкой. Гипнозом и отупляющей зубрежкой влил в мальчишек науку, необходимую для выживания. Но он так и не смог рассказать им о главном – об искусстве убивать!.. При демобилизации этот пункт

⁵ Нинге – кукла (яп.).

бусидо начисто выжгли из мозга Ёсиды. Метнув сюррикэн или притронувшись к фамильной катане, старик платил за удовольствие болью в сердце и пеной изо рта. Утопив вербовщиков-амфибий, Ёсида три дня едва дышал... Что ж, годы и лишения научат ребятишек лучше, чем ветеран.

Жаль, они не воспринимают доспехи всерьез, считая их причудой отца. У них нет сенсоров, способных различать колебания высших сфер и вылавливать информацию (новости с фронтов, к примеру) из ряби на поверхности Топи, из полета чомг и кваканья лягушек. Зато Ёсида в этом спец.

Братья топчутся на месте:

– Отец, нам бы настроить наших рю, а?

Мальчишки разобрали тацу и сделали из запчастей двух жутких энергомонстров, которых они называли маленькими драконами-рю.

– Хаяку! Быстрее! – взрывается криком Ёсида. – Проверить оружие! Вы должны принять бой! Слышите, должны! О, вы подарите мне счастливый день, если выстоите в схватке!

Пока дети суетятся, майор сканирует листок сфагна. Мертвые водоносные клетки. Между ними – живые. У сфагна нет корней, сфагн никогда не умирает, он просто тянется вверх, пока нижняя часть его разлагается, спрессовываясь в торф. Ёсида – нижняя часть. Икки и Мура – верхняя.

Вместе – вечность.

Порыв ветра сотрясает стены дома. Пятая луна рассекает туман серебристой дорожкой, по которой идут две стройные фигуры.

Женщины.

Икки и Мура замирают, будто залитые в смолу скорпионы.

Ёсида слышит, как стучат их сердца, их дыхание – грохот барабанов. Парней охватывает волнение, ибо, кроме отца, они не знают иных людей. Если к острову подплывала баржа торговцев, малышам запрещалось выходить из дому. Ёсида заставлял их нырять в Топь на время переговоров и, что бы ни случилось, не всплывать. Утонуть, но не всплывать! И уж тем более братья никогда не видели женщин.

Две фигуры на лунной дорожке. Две прекрасные девушки.

Ёсида – буси по рождению. Он знает: любви достоин лишь товарищ по оружию, а женщина предназначена для домашнего хозяйства и рождения сыновей. У Ёсиды есть фантомы, есть инкубатор – отставному майору не нужна кита-но ката⁶. Ёсида спит головой на запад, лицом к северу, и никто и никогда не возлежал с ним рядом лицом к югу.

Девушки останавливаются у киботанкетки. Они звонко смеются, поправляя роскошные черные волосы, спадающие водопадами нефти до изгибов колен. Любви достойны только юноши, но... Ёсида вынужден признать: красотки смущают его.

Они – ведьмы. Имена их – Угуису-химэ и Кагуя-химэ.

Они явились, чтобы сразиться с Икки и погубить малыша Муру!

– Когда приходит время смерти, размышлять о цветках сакуры глупо! Вы должны принять бой, мальчики мои! Это враги! Убейте!

Слово Ёсиды – закон для мальчишек. Убить так убить, отец плохого не прикажет. Икки кидается к «Плазме».

Залп! Залп!

Еще! Еще!..

Платформу трясет, майору кажется, что дом вот-вот рухнет в Топь.

⁶ Кита-но ката – жена.; букв.: северная сторона (яп.).

Девушки хохочут. Изгибаясь, будто в танце, они прыгают с кочки на кочку. Энергетические капсулы, расцветая маками взрывов, пластают торф там, где только что были красавицы. «Ха-Го» подбрасывает в воздух, в пламени мелькает красно-белый круг.

Бесполезно. Термоголовки капсул игнорируют женскую плоть. Изо льда девицы, что ли?! Мимо. Мимо. Опять мимо!..

А значит...

Пора обнажить мечи!

Сыновья понимают Ёсиду без слов. Майор любит затынутыми в доспехи фигурами, скользкими над сфагновыми мхами. Топь колыхается, взволнованная антигравными струями.

Девушки ждут. Девушки смеются.

Говорят, кто не ошибается, тот опасен. Пришлые ведьмы очень опасны. А еще говорят, самурай ковыряет во рту зубочисткой, даже если ничего не ел. У Ёсиды как раз закончились зубочистки.

Икки и Мура приближаются к незванным гостям. Сталь покидает ножны.

Столкновение.

Отблески металла.

Тюдан-но-камаэ. Плечи расслаблены. Взмах мечом – из-под левого кулака видна прелестная девичья головка. Спина ровная, как побег бамбука, не наклоняться! Правая стопа вперед, руки выпрямляются, лезвие-вспышка разит улыбку гостя. Дожать кистями! Взмах и удар – одно движение, один миг!..

Казалось бы, схватка окончена, ведьма мертва. Но нет! Мэн-суриагэ-мэн – красotka отступает с левой ноги, длинные волосы ее разделяются на две пряди. Одна прядь спешит навстречу мечу, отбивая лезвие вправо, вторая хлещет Муру по кабуту – юный воин оглушен.

Противница Икки легко отражает его атаку, отбивая волосами меч влево и вверх. И тут же – мощный удар стопой в грудь воина. И откуда в хрупкой фигурке столько силы?! Икки опрокидывается на очес.

Что происходит, а?!

Икки тут же вскакивает.

Мура трясет головой.

Высоко подпрыгнув, девушки кувыркаются в тумане над Топью. Руки перпендикулярны телам, распущенные волосы извиваются гадюками, хлопают в воздухе юбки-мо – и тут же, резко, две фигурки пронзают очес. Брызги тины. Лепестки лотосов качаются на воде.

И тишина.

Икки и Мура переглядываются. Им не нужны слова и жесты. Они умеют надолго задерживать дыхание, а в доспехах можно сутками не вылезать из трясины. Отец обучил братьев искусству кацу-годзэн-оэги⁷ по методике школы Кобо Рю. Вперед, в погоню! Тела близнецов дырявят очес.

Вдали плещут дельфины, каракатица подставляет бока лучам пятой луны, фантомы-рю рвутся в бой. Что-то щелкает в позвоночнике Ёсиды. Подшипники износились? Поменять бы... Наклонившись, старик касается пальцами Китамаэ, закрывает глаза и четко видит, как и что происходит в глубинах.

Бой.

Поцелуи лезвий.

Сплетения тел.

Яростные вопли, приглушенные водой...

Старик сидит так минуту, две, три – целую вечность.

⁷ Кацу-годзэн-оэги – техника плавания в тяжелых доспехах.

И вдруг будто залп из плазмогана валит Ёсиду на спину. Майор дрожит, испачканные ряской пальцы сжимают шагреновые рукоятки неразлучной пары мечей. Старик готов сорваться с места и мчать по Топи отпущенной на волю стрелой. Он мечтает вскрыть животы проклятым ведьмам!

Зная, что ему не победить в этой схватке, он все равно жаждет сразиться.

И умереть.

«А-а-а!!! Банзай!!!» – и ринуться в бой.

Боль пронзает грудь старого воина. Если тело его проглотит Топь, кто расскажет мальчишам о предстоящем? Кто направит на Путь истинный?

Рю волнуются. Им не терпится помочь молодым хозяевам. Но нельзя. Бессмысленно и поздно.

От судьбы не уплывешь, не спрячешься на дне извечного болота.

* * *

Измаранные трясиной ведьмы, чавкая и облизываясь, пировали над поверженными Икки и Мурой. Длинные волосы девушек паутиной оплели доспехи сынов Ёсиды. По правде сказать, не волосы это вовсе, а провода-разъемы для перекачки талантов, знаний и удачи – всего того, что задолго до рождения вложили в мальчишек разработчики «Дайме байтекс».

Ведьмы пировали.

Ёсида грустил.

Каждому свое.

3. Птица

Вторая седмица в пути.

Они ехали по землям племени тюляши, дикого народа, весь язык которого состоит из трех слов: «тю?», «ля!» и «шо?!». В этих местах особо чтят покойников: пустой гроб хоронят. На поминальный пир вся деревня собирается: пьют брагу, а закусывают... Не червям же мясо оставлять?

По дороге гнали «подкованных» гусей. Птицу провели по расплавленной смоле, затем по песку, смола прилипла к перепонкам, песок к смоле – получились надежные «подковы». Лапки целее будут.

То тут, то там в зарослях кустарника торчали каменные изваяния. На распутье семи дорог Эрик остановился у креста из черного гранита. Дожди и ветер оказались бессильны против мастера, выдолбившего лик Проткнутого в окружении песчаных драконов и отцов-инквизиторов. Инквизиторы угрожали Проткнутому копьями. Израненный бог, восседая на спинах трех драконов, ждал казни. Гранит был сильно исцарапан – святые отцы признали творение еретическим, но уничтожить не смогли.

Или же поленились.

Ехали вчетвером. Старуха и девчонка тряслись на кляче, едва переставляющей копыта. Эрик и отец покачивались на мощных жеребцах, привыкших к сохе, но не к седлу. Вместе веселее. Им ведь по пути. Как понял Эрик из разговора взрослых, все они направлялись к морю, на поклон к перевозчикам-стурманам.

За последние дни Эрик повидал столько диковинок, что хватило бы целую зиму рассказывать, валяясь на печи. Чего одна избушка на курьих ножках стоила!

В окрестностях Замерзших Синичек людям самим приходилось рубить дома. И потому Эрика поразили избушки, которые бродили по лесу и паслись без опаски, что их приручит и объездит какой-нибудь звереслов.

Дрессировка диких избушек – целое ремесло. Отец говорил, что мало кто знает, как упротить куреножку врасти корнями-лапами в землю и пустить в себя человека. Все эти «к лесу задом, ко мне передом» – чушь полнейшая: обидится избушка, и вы ее больше не увидите. Избушки быстро бегают даже сквозь густой подлесок.

Ночевали на постоянных дворах.

Снорри Сохач, дождавшись, когда снимут с огня вертел с мясом, щипцами выхватывал из пламени уголек, раскуривал трубку и рассказывал истории о древних временах:

– Был гард великий, раз в десять больше Синичек. И назывался тот гард Вавилон. И жили там разные люди: и высокие, и низкие, и белые, и черные. И кланялись они Крылатой Богине, голой красавице с лапами черноволка и крыльями песчаного дракона!

Эрик и Гель слушали открыв рот.

Снорри оглаживал усы и вдыхал ароматный дым, от которого глаза его блестели, а язык выплетал такие узоры слов, что ничего нельзя было понять. А потом Гель послушно засыпала, а Эрик еще долго валялся на твердой лавке, представляя вавилонские красоты.

И вот – опять дорога.

С утра жарило так, что пот стекал по лицу ручьями. Плащ Эрик привязал к седлу. Отец то и дело вытирал ладонью лоб. Гель ослабила завязки рубахи. И только Урд Криволапая не выказывала признаков неудобства – улыбаясь, говорила, что в пути она как форель на перекате. И подмигивала Гель.

Впереди замаячил частокол гарда, зажатого между лесом и рекой. Или же честнее назвать это поселение хуторком, неспособным дать отпор даже одинокому грабителю? Кри-

вая улочка из нескольких домишек – разве это гард? У частокола и ворот-то не было, одни ржавые петли.

Забывтое Проткнутое местечко, рай для ведьм и упырей. Инквизиторы в такую глушь не заглядывают, а ярлу-наместнику без разницы, кто где обитает – лишь бы исправно платили оброк и бунтовать не замыслили.

Эрик привык, что на въезде в любой гард путников останавливали, спрашивали, как зовут и с чем пожаловали. А здесь... Беспрепятственно они въехали в снулый хутор. Тишина и мертвенное спокойствие встревожили мальчишку.

Посреди размытой дождями тропки, испуганно шмыгнувшей между домами, торчал столб. Старый такой столб, весь изжеванный короедями. А на верхушке его вниз головой висела птица, привязанная бечевой за когтистые лапы.

– Пустельга. Это плохо. – Урд потянулась к колчану с дротиками.

Снорри Сохач молча кивнул, соглашаясь с ней.

Мертвая птица, красивая. Ветер шевелил безжизненные крылья, играл черно-белыми перьями. Это знак.

Добрый ли?

А может – предупреждение? Что не стоит сюда соваться?..

Эрик кинул взгляд по сторонам: запустение. Отец научил его не просто так таращиться, но видеть суть. Ну, почти научил.

– Вот, к примеру, старая кузница. Здесь плавил железо из болотной руды. Давно это было. Жгучий покинул горны задолго до твоего рождения, сын. Да и формы из талькового камня много лет уже не используют для отливок. Уразумел?

– Да, отец.

– А теперь сам попробуй.

Эрик честно вертел головой, но...

Отец забросил усы за спину, нахмурился и сцедил сквозь зубы:

– Смотри, вон пристань. Значит, здесь торговля водилась. Загон имеется – для коз слишком большой, для коров слишком маленький. Есть мысли, нет? Для людей это загон, рабов здесь продавали. И меха. И китовый ус с моржовым зубом. С Запада везли соль, вино и ткани, стекло и украшения – броши из черепаховых панцирей и ожерелья из жемчуга. Ясно тебе, сын?

– Да!

– Ну-ну... – Отец был не в меру разговорчив. Он сказал, что здесь обменивали рыбу на птичий пух, а корабельные канаты, сплетенные из шкур морских животных, – на заморские пряности. И даже зимой торговля не прекращалась: товар привозили по льду на санях. – А потом случилось что-то. Купцы ушли и не вернулись. Начался голод. Те, кто жил здесь, топили новорожденных у причала, а сами... м-да...

– Откуда знаешь, отец?!

– Птица подсказала. Это место проклято.

4. Проклятое место

Суп с котом получился пересоленным, а уса́тый-полоса́тый – недоваренным.

Но слопали и добавки попросили. Мол, хозяйюшка, плесни еще, а то с первой ложки дно увидели.

Да кто ж им даст?! Ишь хитрые какие! За просто так их корми! Не богадельня какая, не паперть для калек! Неча рты на чужую миску разевать. Особенно малец пялится, сразу видно – проглот каких поискать. Ну да местные лесовики не лучше, ей же ей, не лучше!..

У, буркала выпучили – сейчас кровью девственниц заливаться начнут. Под столом, чтоб бабушка не заметила, хлюпнут в бересту из-под травяного чая да в глотки поганые опрокинут. Еще и мухоморов сушеных попросят, вприкуску похрустеть. Сбежали от жинок в шинок. После лихих делишек домой никак не добредут. А ведь заждались их в избушках на курьих ножках, ох и заждались...

Кобели гулящие!

И пусть. Лишь бы миски не били, а то не напасешься...

– Эй, хозяйюшка! – Это лесовики чего покрепче потребовали.

А у бабушки-то разрешения ярла на продажу хмельного отродясь не было. Но коль свои парни просят, озолотить хотят, кто им откажет?! Не бабушка точно. Помочь страждущему – святое дело, хе-хе. А то еще прутья в метле переломают – как потом на шабаш летать?..

Веселье в разгаре, уже и рассвело давно, а все не расходятся. Ох и огребет бабушка от жен бражников. Ох, достанется старенькой...

Примерно так, наверное, размышляла скрюченная карга, хозяйка единственного оплота жизни в проклятом гарде, куда привел сына и попутчиков Снорри Сохач.

– Что мы здесь делаем, отец? – Голос Эрика дрожал. – Ведь это проклятое место!

– Надо поговорить с народцем. Впереди долгий путь, а народец много о чем ведает.

А началось все с того, что отец заметил в полулете стрелы от пристани, обросшей мхом, избушку на курьих ножках – высокую, в два желудка-этажа, с широкими глазищами-окнами. Говорят, дикую избушку медведь боится, черноволк десятой дорогой обходит. Надо очень постараться, чтобы отвадить избушку от сырого мяса и заставить с аппетитом уплетать солому...

Вот к куриножке-то путники и подъехали. Сохач стреножил пахарей и встал перед ней, оперев кулаки в поясицу:

– Пусти!

Избушка накренилась, предупреждая завсегдатаев о визите пришлых, и мгновенно – Эрик даже пискнуть не успел – схватила странников огромной куриной лапой. Четверка взмыла в воздух. На миг Эрику показалось, что лапа сейчас сожметсЯ крепче, ломая пленникам кости, но этого не случилось – через миг они очутились в разинутой пасти избушки. Челюсти сомкнулись, захлопнулась дверь.

Попутчики оказались в полумраке, пропахшем мухоморами и кислой капустой. У зату́нутого бычьим пузырем окна сидела парочка жердяев, тонкокостных и несуразных.

Жердяев нигде не любили. А за что? Кобальты хотя бы самоцветы ищут да полюдые собирают. А жердяи? Днем спят в камышах, а по ночам в окна заглядывают, о печные трубы руки греют и в дымоходы лазают. И если не застревают (а ведь юркие, что выюны), воруют еду и скребки для драйки столешниц. Зачем им скребки? Да кто ж их, жердяев, знает?

Жердяи пили мутную брагу, изредка перебрасываясь словами. Эрик брезгливо отвернулся. И наткнулся на тяжелый взгляд кефалофора-голована.

Что у кефалофоров безупречно, так это головы. Макушки свои они безумно любят и холят. Волосы расчесывают трижды в день, укладывают и заплетают. Лица бреют нещадно,

до пунцовости. Щеки умащивают благовониями и притирками. Уши чистят раз в седмицу, куда там великосветским куртизанкам. Зато тела они презирают. Торс «носящего череп в руках» покрыт язвами и струпьями, немыт и воняет. Часто тела кефалофоров обнажены, ибо не знают они стыда и совести. Руки-ноги для них лишь переносчики глаз и ушей. В приличные заведения голованов не пускают.

Кефалофор не мигая смотрел на Эрика. Щурился и кривил губы, упираясь раздвоенным подбородком в дубовый стол. Тело его, массивное, заплывшее жиром, усердно чесалось: шкр-шкр-шкр!

Чрезмерное любопытство не понравилось Эрику, и он в ответ уставился на уродца. Неизвестно, чем бы это закончилось, но голована заслонила собой горбатая старуха. Она грохнула о столешницу кружку с пивом, выплеснув значительную часть хмельного варева.

Тело кефалофора перестало сдирать с груди засохшую грязь. Длинный черный ноготь пощекотал за ушком, голова довольно заурчала. Тело радостно хлопнуло в ладоши и водрузило голову на шею, которая выглядела так, будто череп кефалофору, что называется, открыли. Но когда грязные пальцы расправили лоскуты кожи, уродец приобрел вид нормального человека, только голого. Рука его потянулась за кружкой, пива хватило ровно на два глотка. Тело погладило животик. Голова цыкнула и оглушительно отрыгнула – мол, хорошего понемножку. Аккуратно ухватившись за уши, руки отделили череп от шеи и возложили на стол. Круглые желтоватые зрачки вновь уставились на Эрика.

ТЬфу ты! Парень отвернулся. Нечего с чужими головами в гляделки играть. Настоящему человеку равняться с народцем унизительно.

– Вечер добрый, уважаемые! И ночь темная, благодная! – вежливо приветствовал собравшихся Сохач. Говорил он без заискивания или презрения, но как равный с равными.

В ответ вяло кивнули: мол, заходите, коль не шутите, а мы посмотрим, нужно или нет вас на печень-селезенку разделывать.

Помимо голована и жердяев, в избушке собралась весьма пестрая компания. Спал за столом пьяный огнедув – хоть и невысок ростом, а храпом грозен. Судя по шрамам на красной роже, великое множество гардов обратил он в пепел. Война – штука суровая, ярлы частенько ссорятся, огнедувы без работы не скучают...

Щукарь, вертлявый и зубастый, не мог усидеть на месте, похваляясь, что давеча у моста на излучине утопил инквизитора. Местные делали вид, что не слышат его речей. Всем известно: убивать инквизиторов себе дороже. Святой отец сделает с тобой все, что ему заблагорассудится, а ты терпи. Вилы возьмешь, вывернешь кишки мучителю – и через седмицу, самое большее две, жди крестового похода. Гард твой сровняют с землей как пристанище еретиков, родню изведут, мэра повесят, девиц лишат девста и распнут на ясеневых ветвях.

Терпи. Не моги. Ибо Кара Господня!

Щукарь, видать, не утерпел. В его узкую голову ударил хмель, да так приложил, что вышиб последние мозги. И первые тоже. Потому-то и похвалялся. А заодно сипел, что младенцы, давным-давно утопленные в реке, наконец обернулись игошами и скоро выйдут на берег.

– Заткнись! – рыкнул пламенем огнедув. – Накличешь еще!

Но щукарь лишь отмахнулся.

И таки накликал. Беду накликал.

Не счастье же?

5. Игоши

За глазами-окнами резко стемнело, прокашлялся гром, улыбнулась молния.

И началось.

В дверь постучали. Побледнев, хозяйка скрестила руки на груди, чем вызвала недоумение завсегдатаев – с каких это пор она молит Проткнутого о помощи?!

Стук усилился. Дверь дрожала так, будто по кленовым доскам молотили сотни крохотных кулачков, слабых по отдельности, но опасных вместе.

Вот тогда щитом скрещенных копий не побрезговал даже щукарь. А ведь щукари издревле поклоняются Водану, виновнику Потопа, богу, скачущему по волнам на пахаре-осьминоге. Ой не простит Водан измены, нет, не простит!

Уже не простил.

Дверь вырвало из косяка – будто вышибло булавой зубы из раздробленной в щепки челюсти. Избушка протяжно вздохнула, пламя в камине пыхнуло, на миг озарив проем, сплошь заполненный махонькими злобными личиками.

Старуха что было мочи заорала:

– Игоши пришли!!!

Камин погас. Завизжал от боли щукарь:

– Нет! Не-э-э-эээ!.. А-а!.. Не-э-ээ на-а-аад-да-аа!!!

Тьма ответила на его крик детским агуканьем. Так груднички выказывают радость на руках матерей после обильной молочной трапезы. И так же смеются утопленники, вкусив чужой крови.

Сначала Эрик вырывался, кричал и размахивал кулаками. Ему было... не больно, нет. Просто... гадко? Брезгливостью он не отличался – запросто мог наловить в ручье саламандр, зажарить на костре и съесть. Сестренка Хильд морщилась и зажимала рот, когда Эрик сдирал кожу с гадюк и потрошил лягушек. Она говорила, что в пищу употреблять можно лишь мясо разрешенных животных. «Кем разрешенных?» – смеялся тогда Эрик, зная, что сестра обязательно поведает ему о Заповедях Проткнутого...

Громче заорал щукарь, вернув Эрика из прошлого во мрак избушки. Оглушенный воплями и подмятый нежитью мальчик с удивлением понял, что поцелуи маленьких холодных губ ему даже приятны. Крохотные пальчики раздевали Эрика, трогали живот и руки, запястья и шею. «Игоши пришли? Ну и что с того?» – благостно улыбался мальчишка, развалившись на лавке и наслаждаясь ласками ледяных ладошек.

На мгновение в избушке стало светло – это огнедуд исторг из глотки факел пламени. В отблесках огня извивались младенцы, облепившие посетителей избушки. Беззубые рты нечисти впивались в людскую плоть. Там, где только что сидела Гель, шевелился клубок локтей, лысых затылков и белых попок. Вопли жертв заглушал один звук – чавканье. Детишки обгладывали добычу, слизывали кровь.

«Зачем кричать, нарушая покой?» – не мог понять Эрик. Ему нравилось кормить собой малышкой, ему хотелось *так* умереть.

Еще одну испепеляющую отрывку огнедуд направил между дубовых столов. Не тронув посетителей, огонь поджег кубло игошей. Мертвечина отлично горела – светло и жарко, будто не илом речным пропиталась, а пару лет сохла на солнцепеке, подставляя ветрам тонкие косточки.

Блеснул меч Снорри Сохача, измарался черной дрянью из рассеченного пополам трупика. Хладное железо, по рунной гравировке залитое серебром, отправляло игошей на Суд к Проткнутому. Меч творил вторую смерть – его обладатель лишь двигался по избушке, сопровождая металл, зажатый в ладони. Меч счищал тела-наросты с щукаря, Урд Криволапой и

хозяйки кабака, с малышки Гель и кефалофора, в суете потерявшего любимую голову. Меч по имени «Шип ран» насвистывал песнь тлена.

Хлюпанье, брызги, огненные струи...

Жердяи, сталкивающие игошей лбами...

А потом все закончилось.

Мальчик-с-пальчик, или Второй рассказ о ненависти

Бетон, осколки витражей, изогнутая арматура. Скелеты небоскребов сплошь в дырах от энергетических трассеров, выпущенных штурмовиками. Огромный бассейн морской воды разбавлен нефтью и бензином, кислотой и стоком канализации. То тут, то там плавают мумии, не тронутые гнилью. Даже каланы не рискуют жрать отравленное мясо, даже чайки пролетают мимо.

Мерно перебирая концентратом лап, драконы-рю огибали отмели из мусора. На энергетически стабильных спинах фантомов восседали фигуры в доспехах, украшенных жемчужинами.

Икки грустил, Мура тоже.

Да и чему радоваться? Поражению в битве? Отец сказал, что у братьев не было шансов. Пасть в первом бою – карма всех воинов, населяющих Топь. Даже Сумиеси⁸ не смог бы противостоять пришельцам из сопредельного Мира, сочини он хоть сотню магических танка⁹, хоть десять тысяч строк без рифмы...

И все же как могла Топь допустить, чтоб ее воспитанники запутались в девичьих косах?!

От горьких дум Мура отвлекался рыбной ловлей. Повертев головой, он хрустнул шейными позвонками. Его шлем-кабuto завибрировал, сквозь прорези для глаз вытолкнув два луча, – два энергогарпуна ударили в очес и поразили цель. От напряжения вздулись вены на шее, но Мура сумел-таки выдернуть на поверхность здорового, килограммов на двадцать, окуня. Не моргая, чтобы рыбина не сорвалась, Мура подвел окуня к пасти дракона и лишь после того, как клыки сомкнулись на полосатом теле, погасил гарпуны.

Сам-то Мура не голоден – до еды ли сейчас? Но накормить шестиметрового рю не помешает, ведь тот потребляет уйму энергии. Для поддержания его целостности нужны значительные ресурсы. Органика для этих целей вполне годится, и чем больше ее, тем лучше. Сто двадцать восемь зубов дракона способны перекусить стальную балку, а уж окуня и подавно.

Энергомонстр и его наездник двигались по дуге мимо ржавого буксира, дрейфующего в никуда. Над фотоэлементами, прикрытыми мигательными перепонками, гордо торчал гребень с кольцом упряжки.

Отец поведал братьям, что ведьмы забрали у них нечто ценное, без чего жизнь – не жизнь вовсе, а креветочная шелуха под каблуком.

«Идите и верните свое», – сказал отец.

«Да! Мы вернем!»

И вот Икки в пути, Мура не отстает от брата.

Отец объяснил сыновьям, что ведьмы издавна воруют таланты воинов. Зачем? Никто не знает. Говорят, ведьмы выплескивают терабайты знаний в атмосферу родного Мира, где

⁸ Сумиеси – тройственное божество Топи: Увацуцу-но – дух поверхности, Накацуцу-но – дух глубин, Сокоцуцу-но – дух дна. Помимо того, Сумиеси – бог поэзии пятистиший.

⁹ Танка – нерифмованное пятистишие, состоящее из тридцати одного слога (5-7-5-7-7).

талант витает сам по себе – и однажды, через миг или год спустя, он войдет в крестьянина на рисовом поле, младенца в люльке или в бродягу при смерти...

Драконы вдруг принялись рьяно сканировать пространство вокруг. Нервозность энергостров передалась братьям. Они завертели головами, высматривая причину волнения. Ощутимые разряды электричества впились в крестцы наездников, что означало: «Боевая тревога! В укрытие!»

Парни доверились чутью рю, позволив тем нырнуть в холл полузатопленного небоскреба.

Видеокамеры драконов вмиг установили соединение с сетчатками глаз братьев. Картинка в режиме реального времени: блестящая от смазки подземка заряжает батареи на крыше здания в полуквартале выше по улице. Над подземкой парит огромная нимфалида-траурница. Двухметровые крылья нимфалиды, бурые сверху, черные снизу, величаво трогают воздух.

У траурниц нынче сезон размножения. Громко спариваясь, они кружат над Топью, а потом атакуют крупных животных, чтобы обеспечить будущее потомство пищей. Биокорпус подземной лодки показался бабочке подходящим для того, чтобы отложить в него яйца.

Головная лопасть подземки была слегка помята, сегментированный корпус подрагивал, вбирая энергию ветра. Из сочленений сочилась бурая слизь. Кормовую лопасть венчало утолщение. На подземке отсутствовали опознавательные знаки, но, скорее всего, это эвакуатор с ранеными и беженцами на борту. Или же транспортник. Тогда в хвосте боеприпасы и провиант.

Издалека послышался стрекот винтов. С крыши на крышу перепрыгнула тень воздушной машины. Это боевой вертолет GenE1 «дайдзин», от него не жди ничего хорошего.

Траурница, сложив крылья, тут же свалилась на очес, прикинувшись бревном.

Среагировав на опасность, подземка мгновенно закольцевала корпус в оборонный контур.

Пока Мура наблюдал за подземкой, Икки озирался по сторонам, хотя смотреть здесь было не на что. Консоли и балки, бетон и алюминиевые рамы, исклеванные осколками и обожженные. Черная резиновая кишка – метров десять в диаметре, не меньше – протянулась от воды до пролома в потолке. Тихая заводь, в таких водятся самые жирные бобры. Но почему тогда пальцы Икки потянулись к мечу, примагниченному к поясной броненакладке?..

Вертолет с ходу открыл огонь. Заноза пушки между стойками шасси и контейнерами с НУРами плюнула зажигательными капсулами – расцвели вспышки на контуре подземки, почти не причинив ей вреда, разве что гелевая смазка кое-где вспузырилась волдырями ожогов.

Странно, но лодка не ответила на удар. Неужто боекомплект израсходован до последнего патрона? Вполне возможно. Зато «дайдзин» полон под завязку, он сбросил на подземку полтонны «адского огня»...

...Пальцы коснулись меча. Опередив датчики фантома, глаза Икки обнаружили чудовище, вынырнувшее из глубин Китамаэ. Не резиновая кишка, нет – это шея крупнейшего плежа, изучающего уровень над проломом.

Тихая заводь? Как бы не так! Ловушка! О, Великая Мать Амагэрасу, помоги братьям выбраться из передраги! Тысячерукая Каннон-заступница, не оставь в беде!

Зеленым отблеском активировалась нанозаточка лезвия. Теперь меч Икки без труда разрубит бетонный столб, но даже это не успокаивало юного воина. С мечом на плежа?! Не смешно!..

За миг до взрыва пятилистником раскрылся утолщенный хвост подземки, окатив вертолет струей пламени. Затемненный бронеклоп «дайдзина» лопнул и расплавился, испарившись смрадным облачком.

Вспышка в небе – взорвался вертолет.

Вспышка на крыше – загорелись топливные цистерны подземки.

Клубы копоти!..

...Откликнувшись на мысленный призыв брата, Мура обернулся, одновременно выдернув из ножен меч, над гардой которого кружили, будто пчелы над цветком, голограммы-иероглифы.

Шея плежа – семьдесят шесть позвонков, оплетенных компенсаторами, – медленно стекла в грязную воду. А вот и голова, вся в керамических наростах. Вот и пасть, в которую можно войти, не наклоняясь.

Итак, два меча против чудовища, которое в один присест проглотит Икки и Муру вместе с рю. Проглотит – и не заметит. Плежу без разницы – что чаек из атмосферы выхватывать, что касаток давить, что жевать морскую капусту. Любая органика сгодится для подпитки котла. Плеж не прочь подзаправиться даже аммонитами и кальмарами.

И людьми.

Огромное тело скрыто Топью, но и так понятно, что две пары лап зверя способны развивать значительную скорость – куда там глиссерам-торпедоносцам, – а поразительная маневренность не оставляет шанса спастись бегством.

Шшша-ах-ха-аа-а! – атаковал плеж. Мелькнули композитные пластины на груди и брюхе, волна дряни накрыла парней, забрызгав светофильтры. А через мгновение близнецы очутились в замкнутом пространстве, которое двигалось. Плеж не побрезговал ими, отобедал.

Мерцая, погасли мечи. Что-то высосало из них заряд. Внутри рептилии все казалось расплывчатым, как бензиновая пленка на коже Топи. Четко просматривалась лишь сетка венкабелей, покрывающих бледно-розовые потолки и стены, которые мерно сокращались, проталкивая добычу глубже – надо понимать, в желудок-котел. Вскоре Икки и Мура станут топливом, которое должно окислиться и выделить теплоту.

Не только с мечами, но и с рю начались проблемы. Покровы энергомонстров размяклились – защиту можно было проткнуть пальцем. Фантомы слабели с каждой секундой. Еще чуть-чуть – и изменения будут необратимы.

Это братьев никак не устраивало. Спасти рю можно было, лишь свернув их в исходники, похожие на старинные микросхемы с припайками проводов, мельчайших цилиндров и кубов и с присосками как у рыб-прилипал. Что близнецы и сделали. Оставалось только раздвинуть нагрудные латки и поднять рубахи – присоски жадно впились в татуировки на груди Икки, Мура последовал примеру брата. Тому, кто захочет снять драконов с парней, придется изрядно попотеть, срезая исходники с бездыханных тел.

Приступ ярости захлестнул Икки. Он сделал выпад с правой ноги, локти его выпрямились, кисти дожали меч, направив острие в толстую вену над головой. Воин вложил в удар всю свою ненависть, все силы... И ничего: ни крови, ни иной рабочей жидкости – вена цела! Зато десятки молний оплели катану и доспех Икки. Буси задергался, будто в припадке.

Тут же мощный поток сшиб братьев с ног, швырнул и завертел в коктейле из воды и креветок, мелких рыбешек и водорослей. Плеж, похоже, решил напиться. Вода мгновенно всосалась порами стен вместе с попутным мусором.

С усилием отрывая ноги от пола, парни отправились в глубь плежа. Подошвы сапог будто смазали клеем – стоило на миг задержаться, как их прихватывало так, что следующий шаг давался с трудом.

«Нам предлагают разуться, – хмыкнул Мура. – Мы вроде как в гостях».

Путешествие по внутренностям плежа, лабиринтам его кишок, братья не назвали бы увлекательным. Кое-где пройти можно было лишь на присядках. Близнецы карабкались вверх, прыгали в черную пустоту – аккумуляторы фонарей разрядились – и ползли по-пла-

стунски в особо узких местах. Пока что системы жизнеобеспечения доспехов работали без сбоев, все-таки ручная сборка. Или же это отцовское благословение хранило Икки и Муру?..

Их окружали бледно-розовые стены, местами пурпурные, но неизменно перевитые толстыми венами. Иногда коридор сворачивал в сторону, разделяясь на десятки ответвлений, большая часть которых была непроходима для людей. Сотни ярких огоньков сопровождали братьев, медленно кружа над шлемами. Шпионы-наблюдатели? Новый вид оружия?

Икки не единожды пытался сбить мечом хоть один огонек – и всякий раз неудачно.

«Верткие, зар-разы!» – у Муры тоже ничего не получилось.

Сколько продолжалось путешествие, сказать трудно. Время внутри плежа измерялось рыбно-креветочными приливами. После десятого такого прилива братья перестали считать.

«Как часто пьет эта тварь?» – хмурился Икки, но Мура лишь пожимал плечами в ответ.

И вот настал момент, когда последний брикет НЗ попал в резервуар для приготовления пищи, куда по трубкам тут же брызнул кипяток. Система питания встроена в шлем так, что завтракать и обедать можно не разоблачаясь. Но вместо того чтобы приступить к трапезе, Мура замер. Он что-то почувствовал. Уловив настрой брата, Икки схватился за меч.

Впереди коридор резко сворачивал влево. Плохое место, обзор ограничен – в самый раз для засады.

Братья приготовились к бою. Огоньки выписывали окружности над ними, шныряли меж широко расставленных ног. «Светлячков» становилось все больше и больше, и летали они быстрее, чем раньше. Из-за их мельтешения вокруг стало светло, как в полдень третьей луны.

К братьям кто-то приближался.

Кто?

* * *

– Не стесняйтесь, разуваться не надо.

Два поклона в ответ. Впервые близнецы общались с незнакомцем. До сих пор их единственным собеседником был отец, а в разговорах друг с дружкой они обходились без слов.

– Здесь очень голодные полы, так и норовят укусить за пятку. Не разувайтесь, прошу вас.

Братья промолчали в ответ. Они просто не знали, что сказать. Но того, кто обитал внутри плежа, это ничуть не расстроило.

– Меня зовут Иссумбоси, – улыбнулся этот странный человек.

Человек ли?..

– Икки.

– Мура.

– Вот и замечательно, вот и познакомились! – обрадовался Иссумбоси, опускаясь на циновку, сделанную из рыбьей чешуи. – Присаживайтесь!

Братья ожидали столкнуться с достойным врагом, быть может, с отвратительным чудовищем, когтистым и клыкастым. И потому встреча с добродушным обитателем внутренностей плежа стала для них неожиданностью.

Прикрепленный к потолку воздушный пузырь, наполненный «светлячками», освещал низенькое тельце аборигена. Прямо на полу стояли миски – выскобленные панцири крабов. Вместо палочек Иссумбоси использовал сушеных рыб-игл. Был он полностью обнажен, но если и обладал гениталиями, то прятал их под обвисшими складками брюха. На его черепе, сплюснутом с боков, волосы росли лишь на заостренном темени – мокрые пряди напоминали хвостовой плавник крупного окуня. А глаза...

Глаза Иссумбоси были точно два шампиньона, изъеденных червями.

– Извините, – не выдержал Икки, – но ваши глаза... Что с вашими глазами?

– А что с ними? – искренне удивился коротышка.

Икки ничего не ответил – и правильно сделал. Иссумбоси слишком долго был одинок. Он несказанно обрадовался гостям, но обсуждения своей внешности не потерпел бы.

– Извините, господин. Подскажите, как нам выбраться отсюда? – вновь не удержался от вопроса Икки.

– Выбраться? Зачем? – Ресницы коротышки затрепетали, смахнув с глаз парочку белесых червячков.

– Мы путешествуем не от праздности, мы... – Мура неожиданно для себя в подробностях рассказал об отце, прекрасных девушках и надежде отомстить. Затем он красочно описал схватку вертолета и подземки. Внезапной атаке плежа и приятной встрече с господином Иссумбоси он, конечно, уделил особое внимание.

Когда Мура наконец замолчал, язык его едва ворочался, а Икки устал поддакивать. За всю жизнь Мура произнес меньше слов, чем в беседе с коротышкой.

– Мечь – дело, угодное богам Китамаэ, – сказал Иссумбоси.

Братья кивнули в ответ, и десятка два «светлячков» сорвались с рогов их кабуту.

– Угодное, бесспорно.

Господин Иссумбоси поднялся с циновки и предложил парням отдохнуть и перекусить, пока он прогуляется к желудку плежа.

– К желудку? – заинтересовался Икки.

– Это наиглавнейший орган плежа. Определяющий! Плеж им думает. Довоенная разработка, отказов еще не было. Тогда на совесть делали.

Пузырь с огоньками, отлепившись от потолка, упал прямо в руки коротышки, после чего тот скрылся в лабиринте кишок-коридоров.

Братья решили воспользоваться гостеприимством хозяина. Они с удовольствием отведали роллов из рыбы и мяса рапанов, обвитых сушеными водорослями, – все было очень вкусно. И, как водится, после обильной трапезы братьям захотелось вздремнуть. Здоровый сон есть залог грядущих побед.

Икки приснился отец.

Мура улыбался, наблюдая за видениями брата.

* * *

Сначала это было похоже на шелест змеи, ползущей по циновке, потом – на стук капель о крышу. Стук превратился в тяжелую поступь воина, и тут же грязь заклокотала вокруг близнецов.

Они вскочили. Системы жизнеобеспечения перешли на максимальный уровень защиты. Маслянистые разводы, мусор и вспененная жижа обволакивали воинов. Нехитрый скарб Иссумбоси плавал уже у самых лиц парней. И минуты не прошло, как близнецы по кончики рогов погрузились в отравленную кровь Китамаэ.

Братья отлично видели под водой, и поэтому возвращение Иссумбоси не осталось для них незамеченным. Коротышка неспешно греб руками. Ноги, будто перебитые арматурным прутом, были безвольно опущены. Иссумбоси медленно приближался.

Уклонившись от черепахи, всосанной плежем вместе с водой, он проплыл между Икки и Мурой. Волосами – рыбьим хвостом? – коротышка направлял свой череп, а заодно и все тело. Казалось, голова – это единственное, что у него всерьез, а прочее – лишь декорация, чтобы сбить с толку. Без тела и конечностей Иссумбоси только выигрывает.

Коротышка открыл рот, парни прочли по губам: «Плеж заглатывает кровь Китамаэ, чтобы уйти в пучину; больше воды – глубже погружение».

«Зачем?» – беззвучно спросили близнецы.

«Минные поля лучше снизу пройти. Прямо по курсу Опасная Территория, а наверху бушует Бесконечная Война. Бой вертолета и подземки – лишь зернышко риса в казане Великой Битвы».

«Что такое Бесконечная Война?»

«И Великая Битва?»

Вопросы удивили Иссумбоси: «Вы буси по рождению – и не знаете основ бытия?!»

«Не знаем, – смутились братья. – К сожалению...»

«Это вроде кирикаэси, – уверившись, что собеседники не шутят, пояснил Иссумбоси. – Серия ударов. Сначала ты нападаешь, потом нападают на тебя. Будь готов вкусить плоти врага, но не забывай, что скоро роли поменяются. Атакуй, а потом защищайся. Это и есть Бесконечная Война и Великая Битва».

Коротышка говорил, а с глазами его творилось странное: шляпки расслаивались, из них вытягивались тонкие-претонкие нити. Вместо грибов получилась грибница, отростки которой, коснувшись стен, мгновенно в них росли и паутиной оплели вены плежа.

Иссумбоси наклонил голову к левому плечу – нити правого глаза натянулись, и все пространство, окружающее братьев, завалилось влево. Коротышка рассмеялся, изо рта его вырвались пузыри и выпорхнула мелкая рыбка. А когда продолговатый череп вернулся в исходное положение, братьев швырнуло вправо.

Нетрудно было догадаться, что глаза-грибы – это орган управления плежем, а коротышка – капитан и штурман чудовища, его неотъемлемая часть.

Губы Иссумбоси зашевелились: «Желудок благоволит молодым воинам. Он говорит, что, если им не терпится отыскать обидчиц, самое время посетить Цуба-Сити¹⁰. Там самые лучшие транспортные установки в этом Мире».

Почему-то братья сразу поверили ему. А значит, им суждено покинуть Топь и отправиться на Сушу.

«Я готов сопроводить своих гостей до блокпостов дзекаку¹¹».

Братья с благодарностью приняли помощь.

¹⁰ Цуба – гарда меча (яп.).

¹¹ Дзекаку – замок, большое оборонное сооружение (яп.).

6. Чужая рубаха

Эрик очнулся в полдень – Сохач насторого запретил тревожить сына. Старуха, измученная болью в пояснице и укусами игошей, согласилась с длинноусом: «Прав ты, Снорри, надо, чтобы мальчонка сам покинул Топи Второго Мира, иначе не будет силы в его языке».

Гель разметала светлые косы по зеленым травам. Ее раны – поцелуи младенцев-утопленников – нещадно кровоточили. Мазь из пережеванной в кашу сцеп-травы не помогала, сильнейшие заговоры опадали на землю бессильными «пчелами губ».

Потрескивал костер, в котле бурлило варево из коры, ягод и грибов. Эрик открыл глаза и вскочил. Глядя в чистое, без единой тучки, небо, он глубоко вздохнул и зачем-то обнял себя за плечи. Перед глазами мелькало: разъяренный огнедуд, пожар, изба, ныряющая с причала в реку...

– Как же так? – только и спросил Эрик.

– Да вот так, – скривился отец, омывая меч родниковой водой и насухо вытирая рукавом запасной рубахи.

Гель металась в бреду, стонала и плакала. Щебетали птички, летали стрекозы, порхали бабочки. Солнце жарило в затылок, но Эрик, казалось, еще не проснулся – Великая Тьма сквозила холодком из его выпученных глаз.

Подобно заклинателям духов, во сне Эрик уходил в Чужие Миры. Чаще – в Топи Второго Мира. Реже – дальше, в миры, которым нет названия. Отец возил Эрика к Урсу Медвежатнику, сильнейшему шаману пяти гардов. Отец просил Урса взять Эрика на обучение, ведь малыш обладал врожденными способностями. Но Медвежатник лишь качнул косматой головой. «Нет, – сказал, – не возьму. У парня иная тропа жизни. Не будет он в птичьей помете судьбу выгадывать и мороков стращать. Ему отмерено как нам, но втрое меньше». Так что Эрик не стал шаманом, но, едва проснувшись, он сразу понял: взрослые хотят от него чего-то запредельного.

И Гель...

А что Гель?!

– Она умирает? – Эрик не узнал собственного голоса.

– Да, – сказал отец.

– Да, – дрогнул подбородок Криволапой.

– Я могу помочь?

– Да, – раскурил трубку отец, – ты можешь.

Урд молча кивнула, колени ее подогнулись, она неуклюже плюхнулась на траву.

Одежды старухи пропитались кровью, отец вот-вот свалится от усталости. А Гель белее молока, вместо горла у нее безобразные ошметки кожи, кое-как перетянутые сиянием заговоров. Да и сам Эрик... Его предплечья обезображены синяками и волдырями, похожими на укусы слепней.

Но главное – Эрик откуда-то знал, что именно надо делать. Он встал на колени, наклонился и провел языком сначала по одному предплечью девочки, затем по второму. Что называется, пальчики оближешь. Спасибо Криволапой, она заранее раздела сиротку.

На теле Гель было столько ран, что Эрик чуть не захлебнулся слюной. С удивлением он понял, что язык его неимоверно удлинился. А когда язык стал таким большим, что не помещался уже во рту, он вывалился наружу и раздвоился, словно не человеческий, а змеиный. Каждая половина разделилась на три части, те – на семь, следующие – на девять... Эрик вовсе не испугался, как могло показаться со стороны. Он просто впал в оцепенение. С ним впервые такое происходило, он избегал взгляда отца.

Растревоженным кублом гадюк полз его язык по впалому животу девчонки, по тонким лодыжкам, по плоской груди без намека на будущие перси. Нырлял в подмышки. Елозил по горлу, сцеживая слюну на изглоданные мышцы и прикрытые струпьями сосуды.

– Хей-я-хей!..

В голове у Эрика плясала черная фигурка шамана. Мальчишка пытался поймать взгляд этого мужчины, закутанного в шкуры и лупящего изо всех сил по бубну, но лицо его постоянно оставалось в тени.

Великая Тьма ледяным туманом клубилась над Эриком. От ее обжигающих прикосновений немели пальцы, не хватало воздуха, сводило судорогой челюсти.

– А-а-ааа!..

Не зная, как и зачем, действуя по наитию, Эрик отгонял Тьму. Он жмурился и морщил лоб, когда отрывал от девичьего тельца пласты мерзости и швырял куски боли в самое сердце зла, пульсирующего ужасом и ненавистью.

– Ах-ха-хха! Ха-ха! Хо!..

Хохоча как юродивый, мальчишка плевал на предчувствие скорой смерти, он был свиреп, как берсерк, он был подобен черноволчице, вылизывающей новорожденного щенка, он...

– Хватит, Эрик, хватит. Ей лучше! Лучше! Хватит! – Голос отца звучал едва слышно, будто издали.

Зато Урд прошептала прямо в ухо:

– Перестань, малыш! Защекочь до срама!

Звонкий девичий смех вернул Эрика в Мидгард.

7. Долина драконов

– Дано ему. Сила есть, много силы, но не поможет он, не спасет от яда невинно убиенных. Твой сын лишь...

– Чуть разжал объятия Костлявой. Я знаю, Урд, я понимаю как никто другой. Верь мне: Эрик сделал все, что мог. Сила его едва приоткрылась с помощью ягод лесных ведьм, но этого слишком мало, Урд.

– Она умрет, Сохач. – Голос седокосой старухи дрожал подобно арбалетной струне. – Она умрет, если мы...

– Если ты не отвезешь ее в Долину Драконов. Если не убьешь камень-ящера. Если не вырежешь из вонючей туши печень. Если не вытопишь из печени жир. Если ты – ты, Урд! – не смажешь драконьим жиром раны Гель.

– Прости, Сохач, я обманула себя надеждой. Спасибо тебе и сыну твоему. Вы были добрыми попутчиками.

Очнувшись, Гель тут же беззаботно защebetала, но Эрик видел: ей плохо, так плохо, что хуже некуда. Благодаря его стараниям она умирала медленнее, чем должна была, но все-таки умирала.

Жаль девочку.

Забавно, но Эрика ничуть не удивили его новые способности: так же безразлично пал-эсмурт принимает стужу, засыпая в теплой берлоге. Просто раньше парню не доводилось обрабатывать раны, вот и все. А еще Эрик уверен теперь, что расцелуй он глазницы Хеда – и брат прозреет. Не сразу, нет. Может, через год или даже десять, но обязательно!

– Я могу и вам помочь. Честно, могу! – Эрик приблизился к отцу и старухе Урд и очень удивился, заметив ужас на их лицах.

Взрослые боялись прикосновений его почти что змеиного жала.

Громко слотнув, отец повернулся к Урд:

– Вместе отправимся в Долину Драконов. Стурманы подождут, правда? Мы успеем?

– Обязательно успеем! – Старуха обрадовалась решению Снорри.

Она заплела седину в тонкие косы, обвязала их вокруг головы соцветием болотного лотоса. Такими прическами в Замерзших Синичках привечают лучших воинов. Опоив Снорри приворотным зельем, она взяла его в густом малиннике в двадцати шагах от жаркого костра. Эрику и Гель плохо спалось в ту ночь. Слушая хрипы и стоны, детишки хихикали в кулачки и ближе прижимались друг к другу.

Утром Эрик направил своего пахаря вслед за Быстриком, пахарем отца. Сонная Гель и помолодевшая после бурной ночи Урд не отставали. Впереди их ждала Долина Драконов.

Они ехали три дня и три ночи, скотину не берегли, спешили. Жаль, пахари, помесь ослов и единорогов, для скачек не годились – галопу-то их никто не обучал. Они выносливые и особого ухода не требуют, ведь звересловы поставляют в Замерзшие Синички отличных жеребят, но все же Эрик с ужасом ждал, что пахарь под ним вот-вот упадет...

Вечером четвертого дня кобыла Урд потеряла подкову и, улегшись на дороге, собралась издохнуть хозяйке назло, себе на облегчение. Сохач перерезал кляче горло. На ужин ели жилистое мясо, запеченное в листьях дикого винограда.

Кожа Гель покраснела и чесалась. Криволапая связала руки девочки за спиной. Не туго, но так, чтобы Гель не смогла расцарапать себя до смерти.

* * *

Как спуститься в Долину Драконов, если окружают ее неприступные скалы?

А очень просто! Надо лишь найти пещеру Мимира. Пещера эта – путь в одну сторону, запоминать дорогу не надо. Снорри заплатил мытарям два серебряных обрезка за право войти под каменные своды.

Сколько путники плутали в подсвеченной факелами мгле, неизвестно. Эрик впал в беспамятство, когда бурдюки давно уже опустели. В отчаянии Снорри Сохач задумал перерезать Быстрику глотку, чтобы соком его жизни утолить жажду, но тут в лицо ему повеяло прохладой. Снорри спрятал нож. Он понял, что дух подземелья отпустил скитальцев, потерявших надежду. Дух как бы говорил, что звездное небо и бескрайнее раздолье совсем рядом. Но обратной дороги нет и не будет, предупреждал дух. Только вперед!

И вот – звездное небо над головой.

В темноте путники легли спать, отойдя от выхода из пещеры на сотню шагов, не дальше. Костра не разжигали, грелись в обнимку. Эрику снились кошмары, его мучила жажда – вода закончилась еще в пещере.

Рассвет ужалил зрачки, без стеснения обнажив «прелести» Долины Драконов, от пустоши которой веяло печалью и безнадегой. Кто не стирал пятки о камни долины, тот много не потерял, ибо мало удовольствия разглядывать выбеленные солнцем кости в ржавых доспехах, что валялись тут и там.

По лицу Эрика струился пот. Отец предупреждал, что в драконьем логове всегда жарко. Зимой над Мидгардом Проткнутый рубит облака-поленья, аж щепки летят, снежинками кружатся. Но только не здесь. Стужа и весенние ливни минуют пустошь – ящеры, обитающие в долине, дыханием разгоняют тучи, зубастыми пастями пугают влагу.

Драконы спят на камнях. Годами так дремлют, сотни лет храпят, выпуская из желудков ветра. От их смрада дохнут грифы и скорпионы, чахнет редкий кустарник.

Сплошная скалистая твердь – вот что такое Долина Драконов.

– Ветра из желудков? – переспросил Эрик.

Сохач кивнул:

– Драконы, они ведь крылатые. Если верить сагам, они предназначены для полетов и в жертву героям. Но в небо поднимаются редко, и я не видел ни одного героя, который мог бы похвастать победой над драконом.

Слушая отца, Эрик смотрел на желто-серую тушу дракона, бесформенную, как навозная лепешка на лугу, но во много-много раз больше. Тварь мирно спала совсем рядом со стоянкой путников. И как они накануне не почуяли запаха тухлятины?..

– Чтобы поднять в высь эдакую громадину, нужно много силенок. А чтобы сила появилась, пару быков сожрать надо, а то и больше.

– Откуда здесь быки? – не поверил Эрик. – Здесь и ящериц нету!

– То-то и оно, – улыбнулся Снорри. – Драконам вместо мяса куда слаще сок земли. Потому они и зарываются хвостом и лапами в камни. Лучше, конечно, в глину и песок, но драконам и камни годятся. Когти растопыриваются и с первым дождем – а дожди в этих местах гости редкие – врастают в почву. От живота ветвятся тонкие отростки, впитывают воду из подземных рек, которых под Долиной великое множество. А летают драконы вообще непонятно зачем. Это случается внезапно, обычно летом, когда вокруг долины бушуют пожары. Вот тогда драконы свирепствуют и разрушают. Окрестные гарды с наступлением тепла посылают в пустошь остроглазых юнцов, чтобы наблюдали за спящим зверьем. Заворочался ящер – юнец пускает в облака файербол, а уж в гарде знак заметят: «Проснулся дракон! Прячьтесь!» И прячутся, а то. В подвалах, погребах, в родовых склепах и схоронах...

Отец еще поведал Эрику, что когда-то драконы и люди жили в мире и даже торговали. Стрелы с наконечниками из драконьих зубов особо ценились воинами, а юные красотки, пастушки и принцессы, весьма почитались драконами. Но за непомерный аппетит и причиняемые разрушения много лет назад легаты Святого Престола отлучили драконов от Церкви.

Инквизиторы созвали огромное войско и, отпустив копьеносцам грехи да пообещав пятилетнюю десятину от дохода храмов, привели их в долину, где посрамили рыцарей крылатые твари.

Эрик представил себе это сборище: напыщенные мужчины в кольчугах и рогатых шлемах расхаживают, гордо задрав подбородки, и кричат о скорой победе над еретиками. Безумный этот поход заранее был обречен, только зря кровь людская пролилась. Однако скальды до сих пор воспевают героев, «сложивших кудри на поле брани, вовек бессмертных в устах прекрасных». Да уж, полегло здесь великое множество храбрых мужей, отцов семейств и безусых юнцов. Доспехи везде валяются, ржавеют который год.

* * *

Убить дракона? Древние саги утверждают, что это подвиг, достойный героя. Но вряд ли хоть один трубадур восславит старуху по имени Урд Криволапая. А ведь она нашла драконью тушу дротиками, смазанными усыпляющим снадобьем. Надо же – спящего зверя, да еще и усыпляющим снадобьем!

Узкие наконечники без труда рвали тонкую, будто лягушачью, кожу. Дракон проснулся от боли, громко рыкнул и тут же – на миг! – погрузился в приятные видения. Песчаники почему-то впадают в ярость, когда в них швыряют копья, стреляют из луков, а также секирами рубят им головы. Странно, да?

Урд, вредная старуха (вредная, потому что накричала на Эрика, когда тот хотел подойти к дракону ближе), не признавала хладного железа. Наконечники ее дротиков – заостренные сколы антрацита. Эрик даже решил было, что она – порождение Свистуна. Только нечисти претит сталь. Впрочем, прикосновений заточенных лезвий не выносят и люди – ежи, размахнувшись, клинком темечко почесать.

Гель спала, личико ее распухло, а губы растягивали то черноволчий оскал, то сочная улыбка шлюхи. Уши превращались в кожистые лопухи, напоминающие заячьи, и тут же сворачивались, прячась в волосах, а золотистые с рыжинкой косы то растекались по черепу рыбьей чешуей, то змеились сотнями недовольных ужей.

Совсем плохо малютке. Что за хвороба такая?

– Урд, ты знаешь как? – Снорри Сохач заплел усы в сложный узел искреннего уважения.

– Я приготовила снадобья из желчи двух десятков песчаников.

В ответ Снорри вновь схватился за усы, но ничего торжественней готового Знака он не знал и потому лишь поклонился драконоубийце. Эрик последовал примеру отца. Если уж воин ломает спину перед старухой, то мальчишке сам Высокий велел... то есть Проткнутый.

– Пора убить дракона, – сказала Урд.

Сохач кивнул:

– Пора.

Эрику велели остаться и, подобно рыцарю, охранять прекрасную даму.

– Следи за Гель, сынок. Пить попросит – откажи. Надумает встать – уложи обратно, хорошо? Надо будет – ноги сломай, но уложи. Ты понял меня, Эрик?

Мальчишка удивился. Что значит: ноги сломай?! Но кивнул: да, понял, если надо – без проблем, и ноги, и руки, и по попке ремнем.

Криволапая покачала седой головой – мол, слишком молод ты, Эрик, для дел благородных, но деваться некуда. На что Эрик обиделся и губы надул.

Более не обращая на него внимания, взрослые разложили на вышитых бисером кожах оружие и припасы. Столько барахла взяли, будто уходили на седмицу. Эрика так и подмывало спросить: «Что вы затеяли, а? До ящера доплюнуть можно. До желтых камней десятков

шагов, оттуда еще два десятка – и вот уже туша, вросшая лапами в землю. Забыли меч или дротики? Так вернитесь, возьмите, рядом же».

Не спросил. Обиделся ведь.

Урд скрестила на груди руки сплошь в узорах-татуировках. Сохач важно кивнул: готов. И они отправились на охоту.

Двигались странно, зигзагами. Часто останавливались, сплевывали через плечо, опускались на колени и кланялись драконьей туше, лбами касаясь пыли.

Уже солнце зацепило горизонт, а Сохач и Урд все осторожничали. Дракон, громко посапывая, отрыгивал сквозь ноздри дымные струи. Гель бредила и *изменялась*. Дважды она едва не встала. Исполняя наказ Криволапой, Эрик силой усаживал девчонку на подстилку. Когда Гель дернулась в третий раз, она... Она была слизистой ящерицей с длинным хвостом и головой, покрытой буграми и водянками. Если бы *это существо* не послушалось Эрика, он тут же сломал бы *ему* лапы. И не только нижние.

Всю ночь Эрик просидел, закутавшись в шкуры, липкие от холодного пота. Всю ночь он следил за Гель, беспокоясь об отце и Криволапой. Эрик точно знал, что, закричи он во весь голос, ни старуха, ни Сохач его не услышат. Они всего лишь в нескольких шагах – и при этом бесконечно далеко, ведь странный путь их измеряется вовсе не шагами. Дорогу к ним не найти, бесполезно даже пробовать.

А вдруг им нужна помощь?! Эрик то и дело напрягал слух, мечтая услышать крики боли и коря себя за это. Он трус, он просто боится оставаться наедине с Гель – мужчина называется! – до дрожи в коленях...

Еле дождался рассвета.

Первый луч погладил лицо Эрика – мол, все в порядке, все хорошо. Гель спала. Обычная девчонка. Наверное, Эрик все придумал про ящерицу, ночью ведь и не такое может привидеться.

Солнце осветило отца и старуху Урд. Они слишком близко подкрались к дракону. Вздумай зверь пошевелить хвостом, Эрик тут же осиротел бы. Криволапая развязала походные кожи, достала маленький кошель и, забавно пританцовывая, двинула вокруг чудовища, через шаг роняя в пыль щепотки травяной смеси, – так она трижды обошла дракона.

Что за трава такая? Сбор против дракона, как против кашля или мужской слабости?..

Вернувшись к Снорри, Криволапая достала бубен. Кожа, натянутая на обруч из птичьих, людских, звериных и рыбьих костей, была такой потертой, что не лопнула еще только чудом. Старуха вручила бубен Сохачу – мол, развесели духов, воин, попроси о помощи, задай-ка ритм, прокляни дракона на сон беспробудный! И пальцы Снорри ударили по тонкой коже и били долго, стираясь в кровь и тем самым насыщая бубен жертвенным подношением.

И тогда Урд бросила свой первый дротик.

Затем – второй.

И третий, и четвертый, и пятый.

Дракон протяжно вздохнул, тело его изогнулось, перепончатые, как у кожана, крылья затрепетали. Грязь, вросшая в кожу за многие годы, отваливалась от него кусками. Не понравилось ящеру, что в бок ему натыкали антрацитовых наконечников, смазанных усыпляющим зельем. Вопреки стараниям Урд он открыл глаза – ему зелье что мертвому припарка – и выпустил из зада струю пламени, оторвавшую грузное тело от камней. Заметил-таки обидчиков. Наверное, Сохачу в тот момент захотелось бежать прочь, позабыв о поклонах и приседаниях, но отец Эрика все же пересилил себя – беснующийся монстр не заставил его сдвинуться с места. Огромные когти рассекали воздух, перемалывали гранит в труху. Казалось, дракон вот-вот сожрет воина и старуху – но не тут-то было! Травка Криволапой пленила зверя, ему не покинуть трижды очерченный круг. Хоть грози когтями, хоть пасть разевай, а укусить не получится!

Дракон напрягся всем телом так, что лопалась кожа, проткнутая дротиками. Сквозь дыры сочился черный дым. А чем больше дыма выходило, тем меньше оставалось жара для того, чтобы подняться в воздух. И потому – стучи, воин, в бубен! Зли песчаника!

Снорри так и делал: стирал до костей ладони о натянутую кожу, кормил вечно голодных духов своей плотью. Дракон же вертелся в круге, искал выход, мордой и хвостом ощупывая невидимые стены, но выскользнуть не мог!

Разве что не пробовал еще подняться в поднебесье...

– Свистун тебя возьми! Сообразил ящер! – запричитала Урд, швырнув еще один дротик.

Драконы, они очень умные, даже чересчур. Не получилось так, зверь сделает иначе. Быстро, слишком быстро дракон понял, что если выход и есть, то только вверх.

Стравив облако желудочных ветров, он взлетел. Размахивая крыльями, стремительно набрал высоту. Мгновение – и скрылся за облаками.

– Сейчас опустится, – сказала Урд.

Так и вышло. Ящер вернулся, получил дротик в левую подмышку и тут же взвился к солнцу – на сей раз надолго.

До заката его ждали.

Знал бы дракон, что у травяного круга нет границ по высоте, не тратил бы силы зря. Хоть до самых звезд лети – не вырвешься.

Криволапая велела задремавшему Снорри лупить в бубен пуще прежнего.

– В крови дракона сонное зелье, антрацитовый подарок. Будет зверь нашим, подождать только надо!

И зверь был: свалился наземь обессиливший. Стоило песчанику коснуться лапами камней, последние дротики Урд проткнули его нежную кожу.

Меха, или Третий рассказ о ненависти

Утро разукрасило горизонт бликами пятой луны. Забавно наблюдать рассвет сквозь жалюзи. А еще забавней знать, что под ногами километры стали, бетона, суглинка и базальта. Это начало Суши, форпост Чужого Мира.

Рога шлемов скрещены, братья прижались друг к другу животами, сгруппировав энергозащиту на спинах. Покой и умиротворение. Позади три контура шлюзов и бесконечные проверки регистрационных татуировок. Плюс сутки допроса – кто ваш отец, почему не служили в армии, что вам здесь надо? – и неожиданное предложение: всего за три серебряных ре избавиться от визита в суд. Братья объяснили таможеннику, похожему на краба (на полста процентов – кибо, на вторые полста – модиф), что они вообще без денег, но по судам таскаться желания не имеют. На что таможенник, почесав клешнями челюстегрудь, ответил, что он согласен на взятку жизнью. К примеру, э-э, по два месяца с каждого? Братья кивнули: два месяца вместо двадцатилетнего срока в криогенке – приемлемая цена. Кибомодиф обрадовался и, законектившись с Министерством Смерти, потребовал от дежурного дайdziна зафиксировать добровольную передачу прав на сокращение-продление максимального срока эксплуатации. Файл скрепили тремя электронными печатями. Выпроваживая братьев из застенков, краб улыбнулся жевательными пластинами:

– Добро пожаловать в Цуба-Сити!

Близнецы поклонились в ответ.

Только они миновали таможенный портал, как тут же были схвачены престарелой гейшей, омерзительно улыбчивой и слишком женственной. Та предложила Икки ночлег, Муре – рис, и незабываемую любовь – обоим. Рис и ночлег – хорошо. От любви братья отказались,

ибо негоже самураю предаваться разврату. Зато нужен номер в гостинице, где воины – кампай! – будут пить сакэ с радостью и подобающей грацией.

Расплатились жизнями: по двенадцать часов за все удовольствие.

Утром у Икки болела голова, у Муры пересохло во рту. Мура первым отцепил кокон от потолка и, мягко приземлившись на пол, расчехлился сам и помог Икки.

– Как ты?

– Лучше бы лучше. А ты?

– И я.

Людям свойственно разговаривать. И подслушивать беседы. Исполненного диалога оказалось достаточно, чтоб успокоить подозрения хозяйки гостиницы. А то, понимаешь, от опиума они отказались, женскую ласку презирают и лишь сакэ откушали по семь бутылок-чек-токкури на брата. Хоть разговаривать умеют, уже хорошо.

Начиная новый день, Икки и Мура отбили следующие поклоны: прежде всего цели своей, ибо нет и не было у парней хозяина, далее – отцу Ёсиде, затем – божествам. Отец возрадовался бы столь продуманному распределению: цель превыше всего, прочее подождет.

Позавтракать решили в ресторанчике двумя уровнями ниже. А пока спускались пешком по пожарной лестнице, мысленно обменивались впечатлениями о Цуба-Сити.

Икки считал, что город похож на кусок протухшей пиццы-окономияки. Или на параллелепипед с неровными краями, обезображенный выступами стартовых площадок. Озера радиоактивных отстойников на бугристой коже заброшенных кварталов тоже красоты городу не добавляли. Цуба-Сити – полудохлое чудовище, моргающее прожекторами зенитных батарей и состоящее из множества сот-квартир и общественных наслоений, сложной системы капсульных скоростников и гетто модифов, оружейных складов и трущоб. Если верить официальным источникам, в Цуба-Сити две тысячи сто тридцать пять слоев. На какой из них занесло братьев?..

В два движения – здесь прижать, там разгладить – близнецы трансформировали коконы в парадные кимоно, расшитые драконами и тиграми. Пристегнули к поясам мечи. Отец говорил, что без оружия человек быстро превращается в животное, на котором пашут и таскают грузы. Исходники-диски – так и зудело развернуть драконов! – спрятали в подкожные карманы на затылках. Лепить присоски к ребрам опасно – Иссумбоси предупредил, что Цуба-Сити славится виртуозами воровского искусства. Зачем искушать судьбу? А если что случится – шлем долой, волосы приподними, и считай верный фантом готов к труду и обороне.

Из-за плотного смога метрах в пяти уже видимость была нулевая, но все-таки мимо ресторана не проскочили. Разуться у входа? Много чести для забегаловки, где нет даже голограммы с предупреждением, что поганым модифам и грязным кибо (чистым тоже!) вход воспрещен. Братья гордо прошествовали мимо традиционных циновок и заняли оборону в дальнем углу за гайдзинским столиком. И уставились в окно с видом на Топь, скрытую в промышленном оранжево-фиолетовом тумане.

<Надо поговорить.>

<Верно. Разговорчивых принимают за своих.>

– Выспался?

– Нет. А ты?

– И я.

Отец учил, что зевать в присутствии чужих нельзя, но раньше у близнецов не было повода следить за собой – чужих рядом не наблюдалось. Отец говорил, что, коль почувствовал ты желание зевнуть, надо снизу провести ладонью вверх по лбу и облизать губы, не открывая рта. Чихать тоже предпочтительно в уединении. Икки и Мура – воспитанные юноши, они быстрее вскроют себе животы, чем высморкаются на глазах у клиентов забегаловки.

– Что вам угодно? – Лицо официанта скрыто деревянной маской, кисти изуродованы шрамами ожогов.

– Таюяки и порцию якисоба¹².

– А мне... – Мура долго изучает иероглифы меню. – Мне, пожалуй, сябу-сябу и горшочек гедза¹³. Только денег у нас нет.

Расплачиваться сроком эксплуатации уже стало привычкой.

Официант вернулся с полным подносом. Братья оформили трансферт и приступили к трапезе. Однако насладиться пищей им помешал высокий господин, бесцеремонно – без приглашения! – подсевший к ним за стол. Гость был так груб, что даже не поздоровался.

– Дорогие мои, почему у вас нет усов? – спросил он. – Вам обязательно надо отрастить усы. Как же так, без усов?!

– Простите? – Икки наморщил лоб, одновременно прикоснувшись к затылку. Шлем-кабуто лежал на столешнице. В шлеме неудобно есть.

Чужак выглядел так, будто он не от Мира сего. Кимоно из черного шелка, на поясе две кобуры с огнестрельными игрушками, кольтами или наганами. Или стечкиными. А может, и с обычными консольниками, высверленными из пилонов подбитых файтеров. Икки и Мура плохо разбирались в отрыгивающих сталь раритетах. Другое дело – современные энергетика-фантомы. Или классика вроде сюрикэнов и композитных луков.

Два уголька-глаза сверкнули из тени под широкополой шляпой:

– Убив самурая, враги отрезают его нос и уши. Вместе с носом отрезают усы. Разве отец вам не рассказывал? Странно, да уж, странно! А коль усов нет, череп могут вышвырнуть в Китамаэ. Ведь подумают: голова-то женская. А женская – не мужская, это вы сами должны понимать. Чтобы ваши головы не выкинули, нужны усы!

– Спасибо за совет, – кивнул Мура. – Мы обязательно отрастим усы. Спасибо!

– Да-да, обязательно! – Икки проверил застежку подкожного кармана и тронул мизинцем гарду меча. Ему хотелось чихнуть и прекратить разговор росчерком лезвия – от ключицы до подмышки, так, чтобы не задеть шляпу. Но он сдерживался, прилагая невероятные усилия. – Обязательно отрастим. Спасибо.

В ресторане было десятка два столиков, и половина их них пустовала. Посетители громко разговаривали, играли в маджонг и сеги, заливаясь пивом «Asahi» и закусывая копчеными угрями.

Сквозь шум иногда доносились обрывки бесед:

– Секта Лotosовой Сутры... Запугивать людей... Сейчас, когда каждый буси мнит себя...

– А вот скажите, почтеннейший, что вы думаете... Слишком расхваливают, подозрительно... Вот старые подземки...

– Каждое утро: умыться, побрить лоб, смазать волосы, остричь ногти...

– Это понятно! И оружие... Энергетики нынче не те, что полсотни лет назад, уж поверьте мне, я знаю, о чем...

– Фантомы атаковали внезапно, просочились сквозь ядро планеты... А ведь защита была самая надежная, мы...

Икки захотелось поговорить с Мурой так, как только они умеют:

<Отец учил: «Если человек каждое утро умывается водой – после того как его убьют, выражение его лица не изменится». И что надо служить так, будто тело твое уже умерло. А насчет усов ничего не было. Забыл, наверное...>

¹² Таюяки – шарики из теста с мясом осьминога; якисоба – жареная лапша с овощами (яп.).

¹³ Сябу-сябу – мясо, сваренное в овощной похлебке; гедза – «пельмени», небольшие кусочки мяса, завернутые в тесто (яп.).

В знак согласия с братом Мура закрыл глаза:

<Отец говорил, что военные хирурги разделяют лекарства на средства инь и примочки ян. Стандартный походно-полевой госпиталь укомплектован таблетками специально для мужчин и отдельно для женщин, ибо женщина отличается от воина даже пульсом, что уж говорить о прочих недостатках. Однако существует ложное поверье, будто бы женской припаркой от боли в позвоночнике можно излечить буси, что нет разницы между инь и ян, потому как дух воинский ослабел. Как бы то ни было, женщины не теряют таланты...>

У ног посетителей шмыгали крысopodobные модифы-уборщики, работающие, что называется, за подножный корм. Низшая каста общества Цуба-Сити. Попрошайки, глупые твари, не ведающие элементарных правил приличия. Станный господин в шляпе, который так и не оставил братьев в покое, ничуть не лучше. Щелчком пальцев он подозвал согнутого в вечном поклоне официанта – казалось, выпрямить хребет можно лишь под прессом.

– Чего изволите?

Стрелок в черном кимоно заказал стакан рашен водки и нарезку сурими.

Он сказал:

– Дорогие мои, я в курсе вашей беды. У вас отобрали кое-что ценное. Вы хотите вернуть *это* и отомстить. Вам надо на Сушу. Я готов помочь. – Голос у него был уверенный, с хрипотцой. Сделав паузу, он добавил: – За скромное вознаграждение, разумеется.

* * *

Каждый мужчина, если он буси, должен найти себя, отыскать душу, украденную прекрасными ведьмами. Значит, призвание мужчины – это путь по трясине из крови и разрубленных тел. И тому, кто не убоится пройти до конца и победить, доверят меха, громадного боевого робота. Престижнее должности для самурая нет: быть симбионтом боевой машины – предел мечтаний любого воина.

Икки и Мура зачарованно наблюдали за бесшумно-плавной поступью двух Combat 300IQ, пересекающих проспект в строго определенном месте. Точность движений роботов обеспечивалась великолепной пневматикой приводов. В отличие от древних меха «трехсотые айкьюшки» способны перемещаться так, что обе нижние конечности отрываются от горизонтали – «комбаты» отлично бегают по пересеченной местности, прыгают по ступеням зиккуратов и крутят сальто не хуже циркачей. Если же боевой робот таки упадет, автоматика сделает все, чтобы ущерб был минимальным. А ведь есть еще флай-режим – меха взмывает в атмосферу с помощью антигравов, сыпля направо и налево тепловыми ракетами и постановщиками помех.

Вестибулярный аппарат у роботов на зависть людям. Два десятка сенсоров – ультразвуковые и инфракрасные датчики – ощупывают пространство вокруг. Ультразвуком определяется расстояние до вертикальных преград на пути, а инфракрасные лучи фиксируют горизонтальные перепады высот.

Тела андроидов состоят из сотен тысяч полых композитных камер, пронизанных миллионами нитиноловых нервов. Сплав титана с никелем, как известно, обладает эффектом памяти. Также нитинол служит мускулами меха: нагреваясь электротоком, расширяется и, остывая до первоначального состояния, сокращается.

– Да уж, меха – заветная мечта для самурая. И особенно, дорогие мои, для юного самурая из провинции. Или для двух самураев.

Парни кивнули, согласившись с человеком в широкополой шляпе: о да, мечта.

– Прогулка у них. Резвятся, что клоны малые. Сменились красавцы наши и гордость, отчалили от защитного периметра, теперь вот расслабляются. Рядом пруд-отстойник есть, грязный и «горячий». И комаров, понятно, полчища. Народ местный жалуется, что насеко-

мые кусают, болезни переносят. А роботам в самый раз. Деликатес! В болотах командиры следят, чтобы меха, не дай Амагэрасу, не обожрались, а после смены кто ж за ними бегать-то будет?

Широко раскинув сегментные руки-лапы, ошетилившись патрубками, антеннами и локаторами, дисками циркулярок и глушителями гранатометов, андройды замерли посреди проспекта. Они мешали движению, мощными стопами перегородив сразу четыре полосы. Стирая покрышки о бетон, с визгом затормозило такси. Вмиг образовалась пробка от края до края проспекта. Обнаженные по пояс рикши беззлобно ругались, дымя опиумными трубками и почесывая прыщи на мускулистых ляжках. Беззлобно – потому что понимали: так надо, героям никак без отдыха.

Меж тем воздух наполнился комарами и мухами, слепнями и стрекозами. Народ спешно покидал прилежащие к проспекту дома. Люди оставляли свои пневмокары, бросали рикшамобили и бежали прочь. Окна и витрины задраивались жалюзи с резиновыми уплотнителями. Редкие зеваки, оставшиеся поглазеть на роботов, затыкали ноздри ароматическими фильтрами.

– Зачем это?

– Своеобразный запах, – ответил мужчина в шляпе. – На любителя.

О да, вонь была еще та! Братьев, привыкших к экзотическим ароматам Топи, едва не вывернуло. Поры андроидов источали смердящую слизь – так «айкьюшки» приманивали насекомых, они ведь обвешаны батареями микробных топливных элементов, конвертирующих биомассу в электроэнергию. Все многообразие Insecta – лишь топливо для боевых роботов. Конечно, подзаряжаться от электростанций куда проще, но в условиях партизанской войны и длительных автономок в Китамаэ на ядерные реакторы рассчитывать не приходится.

– Когда-нибудь я приросту костями к экзоскелету «комбата»! Я пропитаюсь гелем управления! – с чувством произнес Икки, хотя ему совсем не нужно было открывать рот, чтобы брат его понял.

Мура улыбнулся.

Странный человек в шляпе пожал плечами:

– Тут недалеко, дорогие мои. Почти пришли.

* * *

Будто содрали кожу, слили кровь и приказали жить дальше, забыв о болевом шоке. Мясо – вот на что *это* было похоже, на болезненно-желтушную с просинью плоть, трепещущую в предвкушении. Нечто готово было принять обнаженные тела братьев, обхватить многочисленными отростками, втянуть внутрь туши и забиться в конвульсиях. Зачем? А чтобы, не прожевывая, выплюнуть добычу в пустоту Межмирья, толкая непонятной людскому разуму силой дальше, в пределы Суши, загадочной и враждебной.

– Это и есть транспортная установка. – Голос мужчины в шляпе звенел от радости. – Проще говоря, телепорт. И не какая-нибудь самопальная тушенка, но зарегистрированное биоустройство, сертификаты прилагаются. – Он махнул рукой на ближайшую бетонную колонну, обклеенную бумагами с печатями.

Игнорируя разглагольствования хозяина, Икки и Мура пялились на толстые разноцветные кабели, дряблые мышцы, слои загрубевших мозолей и металлические вкрапления заклепок и гвоздей. Тут и там из мяса выпячивались серебристые кубы и пирамиды, пучки спутанных волос и бобины алюминиевой фольги. И над всем этим уродством витал мускусный, чуть сладковатый запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.